

Проза
великих

ДЖОРДАНО БРУНО

ИЗГНАНИЕ
ТОРЖЕСТВУЮЩЕГО
ЗВЕРЯ

Проза великих

Джордано Бруно

Изгнание торжествующего зверя

«Алгоритм»

1584

Бруно Д.

Изгнание торжествующего зверя / Д. Бруно — «Алгоритм»,
1584 — (Проза великих)

Джордано Бруно родился в 1548 году. Итальянский философ, ученый и поэт, он бесстрашно говорил о своем понимании мироздания. Церковь мимо такого свободомыслия пройти не могла. Джордано Бруно был вынужден покинуть родную Италию. По возвращении в Рим Бруно тут же был схвачен властями и обвинен в ереси и свободомыслии. После долгих восьми лет заточения 17 февраля 1600 года Джордано Бруно сожгли на костре. В произведении «Изгнание торжествующего зверя» наиболее ярко отразился духовный облик Джордано Бруно. Здесь всего свободнее и полнее сказалась горячая проповедническая натура автора, а в драматическом изложении диалогов естественнее всего вылилась проповедь новой религии человечества, проповедь, поставившая Бруно на исторической грани как творца и вдохновителя новой философии и культуры. Через мифологический сюжет Бруно высмеивает ничтожество моральных основ современного ему общества. Великий Юпитер задумал коренные преобразования, он говорит о необходимости совершенствования духа. «Победа над собственными страстями, которые издавна тиранят нас и помыкают нами, славнее победы над гигантами!.. Пусть установится новый праздник – праздник Очищения Неба и Изгнания Торжествующего Зверя, олицетворяющего пороки». «Сжечь – не значит опровергнуть» (Джордано Бруно).

© Бруно Д., 1584

© Алгоритм, 1584

Содержание

Предисловие	6
Джордано Бруно	9
Объяснительное письмо, написанное просвещеннейшему и светлейшему кавалеру Синьору Филиппу Сиднею[1] Ноланцем	10
Диалог первый	21
Первая часть первого диалога	21
Вторая часть первого диалога	29
Третья часть первого диалога	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джордано Бруно

Изгнание торжествующего зверя

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Ц и к а д а. Измените смерть мою в жизнь, мои кипарисы – в лавры и ад мой – в небо; осените меня бессмертием, сотворите из меня поэта, оденьте меня блеском, когда я буду петь о смерти, кипарисах и аде.

Т а н с и л л. Чудесно! Ведь для любимцев неба самые лютые несчастья обращаются в наивысшее благо: ибо нужда родит работу и труд, а они – всего чаще осиянную бессмертием славу.

Ц и к а д а. И смерть в одном столетии дарует жизнь во всех веках грядущих!

«О героическом энтузиазме»

Таковыми радужными словами предсказал себе судьбу Джордано Бруно в знаменитом произведении, которое главным образом из нежелания раздражать ханжей и лицемеров он не назвал, как ему первоначально хотелось, Песнью Песней. Здесь гениальный Ноланец явил себя миру глубочайшим философом пантеизма, восторженным поэтом Всезвездной Любви и неутомимым борцом за свободу, красоту и бессмертие человечества.

«Изгнание Торжествующего Зверя» было написано Бруно на итальянском языке в самую счастливую пору его скитальческой и страннической жизни, с 1583 по 1585 г., когда он жил в Англии, которая и в то время была надежным приютом для изгнанников. Но и там, в туманном, холодном Лондоне, нередко пред глазами человека, который с гордостью говорил о себе: «Все ледники Кавказа не в силах охладить огонь моего сердца», – вещим и жутким видением возникала картина пышной огненной процессии, что ждала его в Риме.

Предчувствие очень редко обманывает гениальных людей: на рубеже XVI и XVII столетий, в 1600 году, в юбилейный год папы Климента VIII, когда в Риме собрались десятки тысяч верующих католиков со всего мира, 17 февраля, на площади Цветов, после семилетнего заключения в тюрьме Джордано Бруно был сожжен по приговору Святейшей Инквизиции.

Единственное свидетельство о смерти Джордано сохранилось в письме кардинала Гаспара Шоппа – религиозного перевертня, который добился в Риме больших почестей благодаря своему обращению из лютеранства в лоно католической церкви. Описав героическую кончину Джордано, Шопп приводит слова, которыми еще и в наши дни изуверы преследуют славную и незапятнанную память великого мученика за вселенскую правду.

«Так он был сожжен, погибнув жалкою смертью; думаю: отправится теперь в другие миры, что сам понавыдумывал себе, возвестить там, как обычно расправляются римляне с нечестивцами и богохульными людьми».

В августе 1603 года все произведения великого Ноланца зачисляются в Индекс запрещенных книг; имя его начинают вычеркивать всюду, где только оно сохранилось; люди, сочувствующие ему, живущие его мыслью, остерегаются упоминать о нем, чтобы не возбудить против себя подозрений и преследований всевластной Инквизиции.

Нужно было три столетия, чтобы вещие слова Джордано Бруно оправдались на нем самом, и чтобы бессмертная слава осенила, наконец, и навсегда, его имя.

И это вовсе не случайно, что именно сейчас, в эпоху громадных политических и социальных переворотов, в эпоху великих научных открытий, раскрепощающих человека от оков стихийного рабства, в радостную эпоху, когда вновь раскрываются перед земным человечеством дух захватывающие небесные горизонты, Джордано Бруно стал ближе, понятнее, роднее и дороже нам.

Ведь если бы нужно было возможно лаконичнее определить, в чем таятся чудесная сила и обаяние его личности, где лежит суть его философии, каков конечный результат его неуто-

монного искания правды, то, по-моему, надо было бы сказать твердо и прямо: Джордано Бруно открыл путь к звездам, бестрепетно воззвав людей из-под власти Зверя на межзвездную дорогу.

Это был воистину «гражданин вселенной, сын Отца-Солнца и Земли-Матери», человек титанического дерзания и воли, неугасимого Прометеева огня, необъятного всезвездного кругозора... Он любил повторять, что если для нас, земных обитателей, жители других планет находятся в небе, то для них наша Земля – тоже в небе, а мы – небожители. Он утверждал, что решения всех мировых загадок надо искать не где-то в заоблачных сферах, на седьмом и восьмом небе, а возле нас и в нас самих, ибо мир един, нет ничего презренного в мире, все божественно.

Natura est Deus in rebus – Природа есть Бог в вещах.

Столкновение этого обожествлявшего весь мир небожителя с отринувшим землю средневековым христианским миром было неизбежно: мученическая смерть Бруно в Риме стала мировым событием.

В том же самом монастыре «*Santa Maria della Minerva*», против здания античного Пантеона, где впоследствии – в 1633 году – Галилео Галилей после своего торжественного отречения чуть слышно прошептал чудесное, гулко по всему свету повторенное легендой слово: «*E pur si muove!*» – «И все же движется!», – Джордано Бруно, выслушав себе смертный приговор от Римского Первосвященника, в свою очередь произнес смертный приговор Папству:

«*Majori forsitan cum timore in me dicitis sententiam quam ego accipiam*» – «Вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я выслушиваю его».

Не прошло и трех столетий, как всемогущая власть Папства была уничтожена навеки, а спустя два десятилетия после отнятия у Римского Понтифекса светской власти в Вечном городе был торжественно открыт памятник Джордано Бруно как раз на том самом месте, посреди площади Цветов, где когда-то был зажжен костер.

На торжество открытия памятника 9 июня 1889 года собрались в Рим со всего мира представители столетия, какое провидел Бруно, столетия, которое поняло и оценило его.

«Кто бы ни направился в Рим на чествование, – гласило приглашение Международного комитета по устройству памятника, – всякий будет чувствовать, что различие нации и языков он оставил за собою и вступил в отечество, где нет этих перегородок. Присутствующие на открытии памятника, воздвигаемого с согласия и на денежные средства всех народов, будут там свидетельствовать, что Бруно поднял голос за свободу мысли для всех народов и своею смертью во Всемирном городе осветил эту свободу».

В итальянском произведении «Изгнание Торжествующего Зверя» наиболее богато, ярко и живо отразился духовный облик Джордано Бруно. Вместе с тем здесь всего свободнее и полнее сказалась горячая проповедническая натура Ноланца, а в драматическом изложении Диалогов естественнее всего вылилась проповедь новой религии человечества, религия разума и борьбы за свободу мысли и совести, проповедь, поставившая Бруно на исторической грани как творца и вдохновителя новой философии и культуры. В этом отношении «Изгнание Торжествующего Зверя» является типичным и характерным произведением для всего шестнадцатого столетия, когда писали и работали над созданием нового европейского общества такие гениальные люди, как Коперник и Лютер, Сервантес и Шекспир, Бруно и Бэкон.

Не знаю, какой прием встретит у нас в России всегда искреннее и восторженное, порою буйно-огненное слово Бруно.

Я хотел своей работой почтить, сколько было в моих силах, память гениального мыслителя, поэта и борца, сделав певца Всезвездной Любви и Героического Восторга доступным русскому народу хотя бы в одном только произведении.

Служить бессмертному слову – великое счастье!

*А. Золотарев,
Рим, 17 декабря 1911 года*

Джордано Бруно

Изгнание торжествующего зверя

Предложенное Юпитером, выполненное Советом, возведенное Меркурием, рассказанное Софиею, выслушанное Саулином, записанное Нолянцем

В ТРЕХ ДИАЛОГАХ, ПОДРАЗДЕЛЕННЫХ НА ТРИ ЧАСТИ

Посвящено учнейшему и светлейшему кавалеру синьору Филиппу Сиднею

Объяснительное письмо, написанное просвещеннейшему и светлейшему кавалеру Синьору Филиппу Сиднею¹ Ноланцем

Слеп, кто не видит солнца, глуп, кто его не познает, неблагодарен, кто не благодарит. Не оно ли и свет, что светит, и благо, что возвышает, и благодеяние, что радует, – учитель чувств, отец сущего, творец жизни.

Так что не знаю, светлейший синьор, куда бы я сам годился, если бы не уважал Ваш ум, не чтил Ваши обычаи, не прославлял Ваши заслуги.

Таким показались Вы мне с самого начала, как только я прибыл сюда, на Британский остров, пожить тут, сколько позволит время; таким же Вы обнаруживаете себя множеству людей при всяком удобном случае и возбуждаете удивление всех, постоянно проявляя свою природную благосклонность, поистине героическую.

Но думать за всех нужно всем, благодарить за многих – многим.

Решая так, судьба не позволяет, чтобы я, сам не однажды выказав себя чувствительным к несносному и неуместному неприличию других, навеки запечатлел свою неблагодарность и покинул Вашу прекрасную, счастливую и гостеприимную родину. Не поблагодарив, по крайней мере, за все, что сделано мне лично, Вас, а также великодушную и благороднейшую личность синьора Фолька Гривелла².

Он соединен с Вами узами тесной и долгой дружбы, множеством своих внутренних и внешних совершенств, вместе с ним Вы росли, питались и воспитывались. Он походит на Вас, да и по отношению ко мне он был тем вторым, кто после Вас пригласил меня и предложил мне занять вслед за Вашими, первыми, вторые должности у себя. И я бы их принял, а он, конечно, поручил мне, если бы завистливая Эриния не рассеяла меж нами свою отраву подлой, злокозненной и бесчестной корысти.

Так что, приберегая для него некую иную материю, я посвящаю Вам эти диалоги, которые, конечно, будут хороши или дурны, ценны или негодны, возвышенны или подлы, учены или невежественны, высоки или низки, полезны или вредны, плодотворны или бесплодны, густы или разбавлены, религиозны или непосвящены. Как и те, в чьи руки они попадутся, одни будут одарены свойством одним, другие – совсем противоположным.

Так как глупых и несправедливых несравненно больше, чем умных и справедливых, то если бы я добивался славы и иных плодов, приносимых хором голосов, мне не только нечего было бы надеяться на радостный успех своих занятий и трудов, а скорее нужно было бы ждать поводов для недовольства и предпочесть молчание слову. Если же, напротив, цель моя – быть на виду у вечной истины, для коей все то, что не только очень немногие разумеют, ищут,

¹ Лорд Сидней – одна из самых интересных фигур XVI столетия. Он совмещал в себе полководца, государственного человека и поэта. В молодых летах он прибыл во Францию ко двору Людовика IX и занимал здесь почетное положение. Варфоломеевская ночь могла бы погубить его; ему удалось спастись, он заблаговременно бежал из Франции, путешествовал по Германии, затем жил долгое время в Падуе, где занимался науками. Возвратившись в Англию, у себя на родине Сидней стал ревностным защитником свободы и просвещения. В качестве общепризнанного мецената он покровительствовал итальянскому изгнаннику – Бруно. Любовь к свободе подарила Сиднею героическую смерть. В 1585 г. он отправился на помощь Нидерландам, восставшим против Испании. Сохранился рассказ о том, как Сидней, смертельно раненный и страдающий от жажды, отказался от принесенной ему воды в пользу лежавшего рядом с ним солдата: «Ему гораздо нужнее ваша помощь, чем мне». Он боролся со смертью две недели, успел сочинить торжественную оду и умер 16 октября 1586 г. стойко и мужественно «en philosophe chretien», как философ-христианин.

² Лорд Фольк Гривелл – друг Сиднея. Пережив Сиднея почти на 40 лет, он велел на своем памятнике написать: «Здесь лежит друг Филиппа Сиднея». Что касается размолвки между Гривеллом и Бруно, то, по всей вероятности, Бруно навлек на себя гнев и недовольство Гривелла своими насмешками и обличениями английской жизни в своем произведении «Cena delle ceneri» («Великопостная Вечеря»).

достигают, но что, мало того, преследуется, презирается, проклинается, тем более становится ценным и высоким. Я всякий раз с тем большею силою стремлюсь побороть бурный поток, чем очевиднее для меня, что извилистое, глубокое и наклонное русло придает ему большую силу.

Итак, пусть толпа смеется, шутит, издевается, восхищается комедиантами и скоморохами, под маскарадного внешностью которых в надежной сохранности скрыто сокровище доброты и истины: все равно, как обратно, разве мало есть таких, что под сурово насупленными бровями, кротким видом, длинною бородою и тогою, наставнически важною, стараются ко всеобщему вреду скрыть свое столько же позорное, сколько горделивое невежество и столь же опасные, сколь прославленные злодеяния.

Тут многие из тех, что не могут приобрести себе славы ученых и добродетельных собственной добродетелью и знанием, очень легко могут выдвинуться, доказав, как мы невежественны и порочны. Но, знает Бог, ведающая непогрешимая истина, что насколько глупы, развратны и преступны подобного рода люди, настолько я в своих мыслях, словах и действиях не знаю, не имею и не стремлюсь ни к чему иному, кроме искренности, простоты и правды. Именно так и будут судить обо мне там, где не поверят, чтобы героические дела и заслуги были бесплодны и бесцельны; где не станут считать высшую мудрость нескромною верою; где отличают человеческий обман от божественных внушений; где извращение естественных законов не считается делом веры и сверхчеловеческого благочестия; где научное исследование не есть безумие, где не в жадном захвате – честь, не в обжорстве – роскошь, не в толпе рабов, каковы бы они ни были, – хорошее имя, не в лучших одеждах – достоинство, не в богатстве – величие, не в диковинном – истина, не в злобе – благоразумие, не в предательстве – любезность, не в обмане – осторожность, не в притворстве – умение жить, не в неистовстве – сила, не в силе – закон, не в тирании – справедливость, не в насилии – суд и так далее во всем прочем.

Джордано, чтобы все знали, высказывается свободно, дает свое собственное имя, чему природа дает свое собственное бытие. Не стыдится говорить о том, что сотворила достойным сама природа. Не скрывает того, что она выставляет открыто. Зовет он хлеб – хлебом, вино – вином, голову – головою, ногу – ногою и прочие части каждую своим именем. Называет еду – едою, сон – сном, питье – питьем и так все прочие естественные отправления обозначает присущим им именем. Считает чудеса за чудеса, храбрость и диковинные дела за храбрость и диковинные дела, истину за истину, науку за науку, доброту и доблесть за доброту и доблесть, обман за обман, лицемерие за лицемерие, меч и огонь за меч и огонь, слова и сны за слова и сны, мир за мир, любовь за любовь. Оценивает философов, как философов, ученых, как ученых, монахов, как монахов, священников, как священников, проповедников, как проповедников, пиявок, как пиявок, бездельников, гаеров, шарлатанов, фокусников, барышников, скоморохов и попугаев за то, что они о себе говорят, как себя показывают и что – суть. Точно так же относится и к работникам, благодетелям, мудрецам и героям.

Смелее! Смелее! Ибо видим, как за свою великую любовь к миру он – гражданин и слуга мира, сын Отца-Солнца и Земли-Матери – должен выносить от мира ненависть, проклятия, преследования и изгнание. Но, в ожидании своей смерти, своего перевоплощения, своего изменения, да не будет праздным и нерадивым в мире!

Пусть же представит он теперь Сиднею разложенные в стройном порядке семена своей нравственной философии не для того, чтобы тот удивлялся, познавал, понимал ее, как что-то новое; но для того, чтобы рассматривал, обсуждал и оценивал, принимая все, что следует принять, извиняя все, что следует извинить, беря под свою защиту все, что следует защитить от морщин и бровей лицемеров, от зубов и носа молокососов, от пилы и напилка педантов; предупреждая первых (лицемеров), что автор, конечно, исповедует ту религию, которая зачалась, растет и крепнет воскрешением мертвых, исцелением недужных, отдачею своего, и что не вызовет он сочувствие там, где похищают чужое, заражают здоровых и убивают живых. Советую вторым (молокососам) обратиться к деятельному разуму и духовному солнцу с просьбой

послать свой свет тем, у кого нет. Разъясняя третьим (педантам), что нам не годится быть, как они, рабами известных и определенных мнений и слов, но что Божьею милостью нам дано и в нашей воле заставить слова служить нам, выбирая и приспособляя их для нашей пользы и выгоды.

Пусть же не докучают нам лицемеры своей развращенной совестью, молокососы – слепотой, педанты – дурно направленным рвением, если не хотят первые – быть обвиненными в глупости, зависти и злобе; вторые – получить упрек в невежестве, высокомерии и безрассудстве; третьи – быть ославленными за пошлость, легкомыслие и тщеславие: ибо одни не воздержались от суровой цензуры над нашими суждениями; другие – от дерзкой клеветы на наши мнения; третьи – от бестолкового перетряхивания наших слов.

Итак, чтобы выяснить окончательно всякому, кто только хочет и может, к чему я стремлюсь в этих моих беседах, во всеуслышание заявляю и удостоверяю, что я лично одобряю все, что обычно считают достойным одобрения все благоразумные и добродетельные люди, и вместе с ними отвергаю все противоположное. Поэтому прошу и заклинаю всех: да не выищется кто-нибудь с такой уродливой душою или с таким злобствующим духом, коему вздумалось бы убеждать и себя, и других, что все написанное в этой книге сказано мною утвердительно. И да не верят – если только хотят верить правде, – что я, или по существу, или мимоходом, хочу где-нибудь нанести удар истине и бороться с честным, полезным и естественным, а, стало быть, Божественным, но да станут твердо на том, что со всей своей силой я добиваюсь обратного. Наконец, если, как нередко бывает, кто и не вместит написанного, то пусть лучше не судит, а пребывает в сомнении до тех пор, пока, проникнув в самую сердцевину смысла, не вынесет окончательного решения.

Кроме того, не надо упускать из виду, что это – диалоги, где собеседники то говорят сами от себя, то передают чужие речи, причем каждая речь наполнена своим собственным смыслом и произносится с присущим и свойственным каждому лицу задором и страстностью.

Ради всего этого пусть всякий смотрит на эти диалоги не иначе, как на материю и предмет для будущего произведения, ибо, намереваясь трактовать нравственную философию согласно внутреннему свету, лучи которого бросило и бросает в меня божественное солнце разума, я считаю целесообразным, прежде всего, предпослать нечто вроде прелюдии, как то делают музыканты; набросать кое-какие неясные и темные контуры и тени, как то делают художники; набрать основу и протянуть некие нити, как ткачи, и заложить глубоко и невидимо внизу основание, как великие зодчие.

По-моему, удобнее всего это сделать, перечислив и расположив в известном порядке все первичные формы нравственности, то есть главные добродетели и пороки. Перед вами будет выведен Юпитер, раскаявшийся в том, что, сообразно виду 48 созвездий, заполнил небо множеством зверей и вместе с тем – пороков; теперь он решает изгнать зверей с неба, с места славы и вознесения, указав им на земле точно определенные области, а на их место водворить добродетели, коих столь долго преследовали и столь недостойно гнали отовсюду. Итак, если вы увидите, что, когда это решение станет приводиться в исполнение, начнут порицать то, что, по вашему мнению, не заслуживает порицания, позорить достойное уважения, превозносить предосудительное и обратно, имейте в виду, что все это говорится – даже и теми, кто по своему сану властен говорить так, – неокончательно, вроде мессы в затруднительных обстоятельствах, отдыха в поле, охоты в театре; что все это получит со временем свой смысл, значение и надлежащую оценку, когда музыка будет исполнена полностью, картина нарисована, ткань выткана, здание увенчано сводом.

В этих же диалогах, пока что, София представляет Софию, Саулин играет Саулина, Юпитер – Юпитера, Мом, Юнона, Венера и прочие греки и египтяне, игривые или важные, сколько и каковы бы они ни были, каждый выступает сообразно своей натуре и условиям. Увидите ли

вы серьезные или смешные разговоры – помните, что все их одинаково надо рассматривать через особые очки.

В заключение, принимайте как окончательно данные только порядок и число предметов нравственного рассуждения вместе с основами той философии, которая, как вы увидите, полностью олицетворена в них. А что до остального, то пусть каждый возьмет отсюда себе столько плодов, сколько может вместить его сосуд, ибо нет худа, которое не обратилось бы на потребу и пользу добрым, и нет добра, нет достоинства, каковое злым не послужило бы поводом и предметом для соблазна и злодейства.

Следовательно, относясь в этой книге с сомнением, подозрительностью и осторожностью ко всему, где нельзя собрать ценных плодов учения, считайте окончательным нашу мысль, порядок, распределение, расположение, указание метода, древо, театр и поле добродетелей и пороков. Впоследствии нам придется разобраться, проверить, улучшить, исправить, расширить, сократить, подкрепить новыми соображениями. Тогда мы, обняв все своим светом и собственной мыслью, начнем объяснять целое в новых и новых отдельных диалогах, где всеобщая архитектура предлагаемой философии будет вполне закончена, и где мы станем рассуждать уже утвердительным способом.

Мы взяли, значит, Юпитера не как вполне законного и благого викария или заместителя первого начала и всеобщей причины, но как нечто изменчивое, подчиненное року перемен. Во всеедином бесконечном бытии и сущности находится бесконечное и бесчисленное множество особей, одной из коих является, по собственному сознанию Юпитера, сам он; особи эти, будучи едины по своей природе, бытию и сущности, с другой стороны, подвластные действию числа, подвергаются бесчисленным превратностям и разнообразным движениям и переменам. Стало быть, каждая из них, и в частности сам Юпитер, сознает себя тою или иною индивидуальностью, в том или ином составе, с теми или иными свойствами и обстановкой, определенной единицей в ряду других – все это в силу различий противоположностей, каковые все сводятся к единой, основной и первичной – Первому Началу всех прочих, ближайших причин всякого изменения и перемен; чрез это Первое Начало как тот, кто раньше не был Юпитером, становится им, так и тот, кто теперь Юпитер, наконец станет иным, чем Юпитер.

Знает Юпитер и то, что состав вечной вещественной субстанции (каковая не может ни произойти из ничего, ни обратиться в ничто, но способна и к разрежению, и к сгущению, к изменениям формы, порядка, фигуры) разрушается, сложность колеблется, фигура переиначивается, судьба разнообразится; и только элементы всегда остаются теми же по существу, и тем же самым, как был всегда, остается вещественный принцип, который есть истинная субстанция вещей – вечная, нерождаемая, негибнущая. Хорошо знает и то, что из невещественной субстанции также ничто не меняется, не образуется и ничто не разлагается, но она всегда остается такой и не может стать ни предметом разрушения, ни предметом созидания. Стало быть, не может быть и речи о ее смерти ни самой по себе, ни в силу внешних обстоятельств, ибо смерть есть не что иное, как распад частей, соединенных в одно целое. Со смертью прекращается случайная дружба, согласие, сложность, соединение и порядок, но остается у каждого существа его неуничтожимое субстанциональное бытие.

Юпитеру известно далее, что о духовной субстанции, хотя бы она и была в родстве с телами, нельзя понимать так, будто она в собственном смысле входит в состав тел или смешивается с ними, ибо это подобает телу с телом или частице материи одного состава с частицей материи иного состава. Духовная же субстанция есть некий принцип, некое начало, действующее и образующее изнутри, от коего, коим и вокруг коего идет созидание: она есть точь-в-точь как кормчий на корабле, как отец семейства в доме и как артист, что не извне, но изнутри строит и приспособляет здание. Во власти этого принципа объединять противоположные элементы, уравнивать в известной гармонии несогласные свойства, созидать и поддерживать состав живого существа. Он сгибает тетиву, он набирает основу ткани, натягивает нити, уме-

ряет страсти, распределяет приказания, потребляет и одаряет дыханием, снабжает волокнами мясо, растягивает хрящи, укрепляет кости, разветвляет нервы, опоражнивает артерии, обогащает вены, толкает сердце, надувает легкие – всему споспешествует изнутри жизненным теплом и влажным радикалом, вследствие чего получается столько личностей, с такой разнообразною внешностью, фигурою и лицом.

Так создается жилище во всех так называемых одушевленных предметах, начиная от середины сердца или соответственного ему органа, посредством развития и образования новых членов и сохранения тех, что уже развились и сложились. Точно так же под неумолимым воздействием принципа разложения, теряя свою архитектуру, рушится все здание, освобождая противоположные элементы, порывая связи, отнимая устойчивость личности: ибо нельзя вечно пребывать в одном и том же сложном целом, с одним и тем же темпераментом, увековечивая одни и те же навыки, сохраняя одни и те же склонности. От внешних частей и членов все приводя к сердцу и как бы вновь собирая все бессознательные волнения и мучения, тот формирующий изнутри принцип ясно показывает, что он выходит теми же дверьми, через какие пришлось однажды войти.

Знает Юпитер, что если вещественная материя, способная слагаться, разлагаться, перерабатываться, сжиматься, принимать форму, способная к движению и устойчивости под господством, властью и доблестью души, не может быть уничтожена или в какой-нибудь точке, в каком-нибудь атоме сведена на нет, то и подавно невероятно и невозможно, чтобы природа более превосходная, которая повелевает, управляет, главенствует, движет, оживляет, растит, одаряет чувствами, поддерживает и содержит, была бы в худших условиях, была бы, говоря, как и хотят некоторые глупцы с именем философов, неким производным гармонии, симметрии и связанности – одним словом, случайностью, которая чрез разложение целого обращается в ничто вместе со своим составом, вместо того чтобы быть принципом и внутренней причиной гармонии, связанности и симметрии, производных от него. Каковой принцип так же не может существовать без тела, как и тело, движимое и управляемое им, с ним единое, с его отсутствием распадающееся, не может быть без него.

Вот этот принцип, значит, и считает Юпитер той сущностью, которая есть воистину человек, а не какой-то случайностью, что вытекает из состава. Это и есть божество, герой, даймон, особый бог, разумность; в нем, от него и через него, с одной стороны, образовывались и образуются различные составы и тела; с другой, подвергаются различному для каждого особливому бытию, различным именам, различным судьбам. Этот принцип в силу того, что именно он в сознательных поступках и стремлениях сообразно разуму движет и управляет телом, – выше тела и не может быть последним ни обусловлен, ни вызван к действию: только высшею справедливостью, что царит над всем, он обрекается за беспорядочные страсти нести мучения и позор в том же самом или в другом теле и, если проявит себя плохо в управлении каким-нибудь одним жилищем, не смеет надеяться на власть и управление лучшим.

Значит, если, к примеру, сказать, кто вел здесь жизнь лошадиную или свиную, то, как многие самые превосходные философы это разумели, а я думаю, что если и нельзя в это поверить, во всяком случае, следует хорошенько рассмотреть это мнение, предопределением роковой справедливости он будет заключен в тюрьму, соответственно известному преступлению или вине, с органами и инструментами, подходящими для такого работника или ремесленника. И таким образом, постоянно переходя из одного состояния в другое, по воле рока вечно будет подвергаться все новым и новым, и худшим и лучшим родам жизни и счастья, смотря по тому, хорошо или дурно проявил себя в только что пережитых условиях и доле. Мы и наблюдаем, как человек, меняя свои убеждения и склонности, из хорошего становится плохим, из умеренного необузданным, а имевший сходство с одним зверем начинает походить на другого, похуже или получше, вследствие перемены в чертах лица и в фигуре, зависящей от внутреннего духа, но

до того явно обнаруживающейся на теле, что ей никогда не ускользнуть от искусного физиономиста.

Вследствие чего, если нам и кажется, что у многих из человеческого рода есть в их лицах, взгляде, голосе, повадках, страстях и склонностях у одних что-то лошадиное, у других – свиное, ослиное, орлиное, бычье, то все это нужно приписать находящемуся в них жизненному принципу, благодаря которому из-за возможной в недавнем прошлом или в ближайшем будущем перемены тела они только что были или вот-вот станут свиньями, лошадьми, ослами или чем иным, что уже проявляется в них, если только воздержанием, трудами, размышлением и другими добродетелями или пороками не сумеют изменить и снискать себе иную долю.

От этого-то взгляда (не без основательной причины он разъяснен нами больше, чем того требует смысл данного места) зависит подвиг покаяния Юпитера, который представлен здесь, как обычно описывается. Он – Бог, с доблестными и благородными поступками, но у него есть и человеческие – резвость, шалость, распутство, а порою пошлость и зверство. Ведь так его рисуют предания, рассказывающие, как он оборачивался, как принимал на себя различные личины, чтобы символизировать смену различных страстей, коим подвергается Юпитер, душа, человек, обретаясь в этой зыбкой материи. Он изображен у нас также управителем и двигателем неба, чтоб дать понять, что в каждом человеке, во всяком индивидууме можно видеть некий мир, некую вселенную, где Юпитер, вседержитель, символизирует собою свет разума, который судит и правит, который раздает приказания и места добродетелям и порокам в этом чудесном здании.

Этот мир мы принимаем в интересах нашей настоящей работы таким, как его воображают себе глупые математики, как допускают не очень мудрые физики, меж коими нелепее всех перипатетики, то есть разделенным, прежде всего, на множество сфер и затем уже на 48 различных звездных знаков. Этот мир с 48 знаками, на кои первоначально, по их мнению, было разделено восьмое звездноносное небо, называемое обычно твердью, будет основой и предметом нашего труда.

Значит, здесь Юпитер, изображающий собою каждого из нас, выведен так, что, с одной стороны, он от зачатия переходит к рождению, из младенца становится юным и сильным и затем постепенно делается все более дряхлым и старым, с другой, из невинного и неумелого делается грешным и ловким, становится дурным, а порою и добрым, из невежды – знающим, из пьяницы – трезвым, из развратника – целомудренным, из шутливового – серьезным, из несправедливого – справедливым. К этому Юпитера склоняют иной раз слабеющие силы, иной раз будет толкать и подгонять страх рокового суда, который выше богов и грозит им.

И вот как раз в день, когда на небе празднуется победа над гигантами (символ непрерывной и неустанной борьбы, какую ведет душа с пороками и разнузданными страстями), сей отче решился окончательно привести в исполнение то, что он задолго перед тем задумал и решил: так человека переменить строй жизни и привычки прежде всего призывает некий свет, что находится в наблюдательной и сторожевой будке или на корме нашей души и что некоторыми зовется синдерезис³, а у нас почти всегда олицетворен Момом. Юпитер, значит, предлагает богам, то есть производит дело разумного рассмотрения голоса совести, и начинает обсуждать то, что нужно сделать: отбирает голоса, напрягает способности, приспособливает мысли; не после обеда и не в ночи нерассудительности, не без солнца разумения, не без света разума, не натошак, утром, сиречь без пылкости духа, хорошо пригретого вышним жаром; но после обеда, то есть вкусив амброзии ревностного усердия и выпив нектара божественной любви, около полудня или ровно в полдень, сиречь когда нам всего меньше вредит лукавое заблуждение и больше всего помогает дружественная истина – в самый светлый промежуток.

³ Синдерезис (sinderesi) – схоластический термин; был принят для обозначения сознания в этико-религиозном значении этого слова.

Тогда совершается изгнание Торжествующего Зверя, то есть пороков, кои обычно одерживают верх и попирают божественное начало в нас, душа очищается от грехов, начинает украшаться добродетелями и из любви к красоте, которая обнаруживается в природной доброте и справедливости, и из жажды наслаждения, вкушаемого от плодов красоты, и из ненависти и отвращения к враждебным красоте безобразию и унынию.

Это изгнание находит себе отклик и принимается всеми богами, другими словами, добродетели и способности души наперерыв стремятся выполнить все, что считает справедливым, добрым и истинным сей действенный свет, который направляет чувство, ум, рассудок, память, любовь, влечение, ощущение, сознание, волю – способности, олицетворенные Меркурием, Палладой, Дианой, Купидоном, Венерой, Марсом, Момом, Юпитером и прочими богами.

Итак, туда, где была Медведица в соответствии с местом, ибо оно – самая высокая часть неба, – прежде всех назначается Истина, так как она выше и достойнее всего: она – первая, последняя и средняя, ибо наполняет собою поля Единства, Необходимости, Доброты, Начала, Середины, Конца, Совершенства, зачинается в полях Размышления – метафизическом, физическом, моральном, логическом.

Вместе с Медведицей снисходят Безобразие, Кривда, Недостаток, Изъян, Случайность, Лицемерие, Обман, Коварство.

Место Большой Медведицы остается свободным по причинам, о коих сейчас не место упоминать.

Где изгибается и извивается Дракон, там, в соседстве с Истиной, располагаются Благоразумие со своими подругами – Диалектикой и Метафизикой, с предстоящими по правую руку Лукавством, Хитростью и Злостью, по левую – Тупоумием, Косностью и Неблагоразумием. Оно вращается в поле Обсуждения.

А прогоняют с этого места Случайность, Непредусмотрительность, Случай, Нерадивость со всеми предстоящими справа и слева.

Оттуда, где одиноко фехтует Цефей, ниспадают Софизм, злокозненное Невежество с рабынями, служанками и своею свитой, а на их место, в соседстве с Благоразумием, является София, где и пребудет на полях божественном, естественном, нравственном и разумном.

Где Волопас правит колесницею, туда взбирается Закон на глаза своей матери Софии, где он будет пребывать в областях божественной, природной, гражданской, политической, экономической и в особенности нравственной, чрез кои Закон возносится до высших предметов, снисходит к низшим, распространяется вишь и вдаль к равным и возвращается к самому себе.

Ниспадают отсюда Прегрешение, Уклонение, Отступление с сыновьями, служителями и присными.

Где светит Северная Корона в содружестве с мечом, туда водворяется Суд как ближайшее последствие Закона и дела Справедливости. Его узрят в пяти областях: Следствия, Судоговорения, Решения, Приговора и Исполнения.

Оттуда, стало быть, падает Неправда со всей ее свитой. Корона, которую Суд держит спокойной левой рукой, обозначает Награду и Мзду, а меч, коим размахивает ревностно десница, – Наказание и Мщение.

Там, где Геркулес словно опрастывает для себя место своей палицей, устанавливает свое пребывание Сила после спора Богатства и Бедности, Скупости и Фортуны с их присными и свитами. Как вы увидите, Сила утвердится в полях Нашествия, Отпора, Завоевания, Поддержки, Нападения, Защиты; справа от нее падают Дикость, Жестокость, Безумие, слева – Низость, Слабость, Малодушие, и возле нее показываются Бесстрашие, Смелость, Предвидение, Недюжинность, Уверенность, а против нее – Пошлость, Трусость, Сомнение, Отчаяние с подругами и рабынями. Она находится почти повсюду.

Туда, где виднеется 9-струнная Лира, восходит мать Муза со своими 9 дочерьми: Арифметикой, Геометрией, Музыкой, Логикой, Поэзией, Астрологией, Физикой, Метафизикой, Этикой. Невежество же, Косность и Зверство низвергаются оттуда. Вся вселенная – поле действия для матери, а у каждой из дочерей свой предмет.

Где распускает Лебедь свои крылья, туда восходят Раскаяние, Очищение, Отречение, Преобразование, Омовение, а низвергаются Самолюбие, Распутство, Мерзость, Бесстыдство, Нахальство со всею своею роднёю. Пребывают около и в областях Греха и Падения.

Откуда смещают восседавшую на престоле Кассиопею, вместе со Спесью, Высокомерием, Чванством, Хвастовством и прочими подругами, постоянно вращающимися в полях Честолюбия и Лживости, туда всходят умеренное Величие, Слава, Благопристойность, Достоинство, Честь и прочие товарищи с их двором, которые обычно находятся в полях Простоты и Истины, иной же раз в силу необходимости заходят в поле Притворства и подобных ему, что случайно могут служить прибежищем добродетели.

Туда, где жестокий Персей показывает свой горгонов трофей, восходят Труд, Старание, Рвение, Пылкость, Усердие, Дело, Упражнение, Дельность со шпорами Ревности и Благоговения. У Персея крылатые сандалии плодотворной Мысли и Презрения к обыденному благу; помощниками у него Упорство, Ум, Прилежание, Искусство, Исследование и Старательность; сыновьями он признает Изобретение и Приобретение, из которых у каждого по три сосуда, наполненных благами фортуны, благами тела и благами души. Разгуливает он по полям Крепости, Силы, Безопасности, впереди его бегут Позор, Леность, Праздность, Бездействие, Скука, Трусость со всею родней по одну сторону, а по другую – Беспокойство, глупое Занятие, Суетня, Томление, Любопытство,хлопоты, Бестолковщина – все выходцы с полей Раздражительности, Подзуживания, Принуждения, Провокации и прочих прислужников, что строят дворец Раскаяния.

На место Триптолема восходит Человечность со своею семьею: Советом, Помощью, Кротостью, Милостью, Поддержкой, Пособием, Спасением с прочими товарищами и братьями, с их помощниками и сыновьями, находящимися в поле истинного Человеколюбия. К ней нет доступа Человеконенавистничеству и его двору – Зависти, Злости, Презрению, Немилости и прочим братьям их, что расхаживают по полям Неучтивости и других пороков.

Жилище Змеебыка занимают Остроумие, Предусмотрительность, Проницательность и прочие такого рода добродетели, обитающие в полях Совета и Благоразумия; бегут оттуда Нерасторопность, Тупость, Вздорность с толпою всех, что разрослись бурьяном в полях Неблагоразумия и Нерассудительности.

На месте Стрелы показываются обдуманное Решение, Наблюдение и Намерение, кои упражняются в полях упорядоченного Учения, Внимания и Стремления, а Клевета, Предательство, Колкость и прочие сыны Ненависти и Зависти, что наслаждаются в садах у Засады, Шпионства и подобных им подлых и позорных земледельцев, уходят прочь.

В том месте, где изгибается дугою Дельфин, появляются Благожелательность, Любезность, Услуга, которые вместе со своими друзьями обретаются в полях Человеколюбия и Домовитости; оттуда бежит враждебная и надменная толпа на поля Спора, Поединка и Мщения.

Откуда отлетает Орел вместе с Честолюбием, Надменностью, Безрассудностью, Тиранией, Гнетом и прочими хлопотливыми сотоварищами в поля Захвата и Насилия, туда отправляются на жизнь Великодушие, Благотворительность, Благородство, Власть, которые пребывают в полях Достоинства, Господства и Авторитета.

Где был Пегасский Конь, вот там божественный Восторг, Энтузиазм, Восхищение, Пророчество, каковые пребывают в поле Вдохновения; бегут прочь отсюда дикий Восторг, Мания, безумный Порыв, Разложение духа, Потеря внутреннего смысла, что обретаются в поле Чрезмерной Меланхолии – этой пещеры злого гения.

Андромеду с Упорством, Злобою и глупым Убедением, кои разрастаются в поле сугубого Невежества, сменяют Добродушие, Надежда, Ожидание, показывающиеся на поле Доброй Дисциплины.

На смену сброшенного Треугольника утверждается Вера, иначе называемая Верностью и умножающаяся в полях Постоянства, Любви, Искренности, Простоты, Истины и прочих, от коих далеки поля Обмана, Неустойчивости и Лицемерия.

Вместо царства Овна поставляются Епископство, Княжество, Пример, Указание, Совет, Разъяснение, кои блаженствуют в полях Послушания, Подчинения, Согласия, доблестного Соревнования, Подражания, откуда удаляются дурной Пример, Соблазн, Безумие, распинаемые на полях Распутства, Заблуждения, Отступничества, Раскола, Ереси.

Бык становится образом Терпения, Снисходительности, Долготерпения, соразмерного Гнева, пригодных в полях Власти, Служения, Исполнительности, Рвения, Труда, Послушания и прочих. С ним уходят чрезмерный Гнев, Досада, Презрение, Негодование, Неохота, Нетерпение, Жалобы, Стоны, Вспыльчивость, что находятся почти в тех же самых полях.

Где обитали Плеяды, туда восходят Единение, Гражданственность, Сообщество, Народ, Государство, Церковь, которые находятся в полях Общежития, Согласия, Общения, где главенствует благодетельная Любовь; а с теми низвергаются с неба Монополия, Толпа, Секта, Триумвират, Дробление, Партийность, шатающиеся в полях беспорядочной Привязанности, лукавого Намерения, Восстания, Заговора, где заправляет всем злонамеренный Совет со всею роднёю.

Откуда удаляются Близнецы, туда восходят воплощенная Любовь, Дружба, Мир, блаженствующие на своем собственном поле, а изгнанные уводят с собой несправедливое Пристрастие, которое упрямо вкореняется в поле несправедливого и злобного Желания.

Рак уводит за собой злобное Подавление, недостойное Движение назад, позорный Недостаток, непохвальное Обуздание, Опускание рук, Убирание ног от доброй думы и дела, Перепрядывание Пенелопы и прочих подобных товарищей и друзей, которые то и дело служат в полях Непостоянства, Малодушия, Нищеты духа, Невежества и многих других; а к звездам возносятся последовательное Движение, Подавление зла, Укрощение лживого и неправого с их служителями, кои работают все в полях честного Страха, умеренной Любви, доброго Намерения, похвального Раскаяния и других союзников, враждебных дурному Прогрессу, притворному Движению вперед, мздолюбивому Застою.

Лев уводит с собой тиранический Террор, Страх и Угрозу, опасный и ненавистный Авторитет, надменную Славу и Наслаждение тем, что тебя больше ненавидят, чем любят. Вращаются они в полях Строгости, Жестокости, Насилия, Подавления, где их мучат тени Боязливости и Подозрения, а на небесное пространство восходят Великодушные, Благоклонность, Блеск, Благородство, Превосходство, каковые служат в полях Правосудия, Сострадания, справедливой Войны, праведного Помилования, ревностно стремясь к тому, чтобы их более любили, чем ненавидели, восходят и там обретают себе Утешение с Безопасностью, Спокойствием духа и их фамилией.

Идут воссоединиться с Девой Воздержание, Стыдливость, Целомудрие, Скромность, Правдивость, Честность, которые торжествуют в полях Чистоты и Чести, презираемой Бесстыдством, Невоздержанностью и иными матерями враждебных им фамилий.

Весы становятся образом вожеленного Равенства, Справедливости, Милости, Благодарности, Уважения и прочих товарищей, управителей и последователей, что живут в тройном поле Распределения, Обмена и Воздаяния, куда не заходят Неправосудие, Немилость, Неблагодарность, Наглость и прочие их подруги, дочери и распорядительницы.

Где изгибал свой гибкий хвост и расставлял клешни Скорпион, там нет больше места ни Обману, ни несправедливому Одобрению, ни притворной Любви, ни Надувательству, ни Предательству, но утверждаются противоположные им добродетели, дочери Простоты, Искренности, Истины, кои пребывают на материнских полях.

Мы видим, как Стрелец становится символом Созерцания, Изучения и доброго Порыва с их последователями и слугами, коим предлежит и подлежит поле Истинного и Доброго, чтоб они могли образовать Разум и Волю, совсем чужды им скучливое Невежество и пустое Безделье.

К оставшемуся на небе Козерогу присоединятся Пустынничество, Уединение, Сокрушение, их матери, подруги и служанки, кои удалятся на поля Отрешения и Свободы, где плохо приходится Беседе, Договору, Собранию, Сожительству и всем остальным из их сыновей, друзей и правителей.

На месте сырого и расточительного Водолея появится Умеренность – мать многих бесчисленных добродетелей, которые любят в особенности показываться в тех местах с дочерьми Гражданственностью и Государственностью, откуда бежит Необузданность страстей вместе с Дикостью, Суровостью и Варварством.

Откуда, вместе с недостойным Молчанием, Завистью к мудрости и Извращением учения, что обитают в полях Человеконенавистничества и Подлости ума, удаляют Рыб, там ставят достойное Молчание и Молчаливость, каковые находятся в полях Благоразумия, Воздержания, Терпения, Умеренности и прочих; от них же бегут в противоположные убежища Говорливость, Многоглаголанье, Сплетня, Ругань, Шутка, Скоморошество, Легкомыслие, Пустословие, Насмешка, Ябеда, Ворчливость.

Где был Кит в засухе, там помещается Спокойствие духа, в безопасности на полях Мира и Отдыха, а Буря, Вихрь, Хлопоты, Беспокойство и прочие союзники и братья их исключаются.

Откуда боги изгоняют врасплох божественного и чудесного Ориона и с ним Ловкость, Надувательство, излишнюю Любезность, напрасное Чудо, Волшебство, Шутовство и Мошенничество, коими всевозможные проводники, кондотьеры и привратники пользуются, приспособляя их для Хвастовства, Тщеславия, Захвата, Грабежа, Подделки и иных многочисленных пороков, на поприще коих они совместно подвизаются, туда возносится Воинство, борющееся с несправедливыми, видимыми и невидимыми силами, действующее на полях Великодушия, Крепости, всеобщей Любви, Истины и прочих бесчисленных добродетелей.

Где так и останется воображаемая река Еридан, там будет еще кое-что славное, о чем поговорим в другой раз, ибо здесь не место говорить о столь почтенном предмете.

Откуда берут трусливого Зайца вместе с напрасным Страхом, Трусостью, Трепетом, Недоверием, Отчаянием, ложной Подозрительностью и прочими сыновьями и дочерьми отца-Ничтожества и матери-Невежества, там появляется Страх, сын Благоразумия и Рассудительности, служитель Славы и истинной Почести, что могут вырасти на всех добродетельных полях.

Где, вытянув спину, гнался за зайцем Большой Пес, туда поднимаются Неусыпность, Стража, Любовь к республике, Охрана дома, Тираноубийство, Ревность, спасительная Проповедь, каковые обретаются в полях Благоразумия и Естественной Справедливости, а с ним нисходит вниз Охота и прочие дикие и зверские доблести, что только волею Юпитера считаются героическими, хотя на самом деле пребывают на полях Палачества, Зверства и Живодерства.

Уводит за собой Малый Пес Подлизывание, Лесть и рабское Послушание вместе с их друзьями, и туда наверх поднимаются Кротость, Домовитость, Ласковость, Любвеобилие, обретающиеся на полях Благодарности и Верности.

Откуда возвращается в море Корабль вместе с подлой Скупостью, обманной Торговлей, скаредным Прибытком, вездесущим Пиратством и прочими бесчисленными товарищами, даже и во много раз более порочными, там поселяются Щедрость, услужливое Сообщение, современная Запапливость, полезный Договор, достойное Путешествие, благодетельная Перевозка с их братьями, спутниками, кормчими, гребцами, солдатами, проводниками и прочими служащими, что обитают на поле Фортуны.

Где растягивает и расширяет свои кольца южный Змей, прозвищем Гидра, туда ставят предусмотрительную Осторожность, рассудительную Проницательность, возобновляющуюся

Мужественность; отсюда падают старческая Вялость, тупое Возвращение в детство вместе с Коварством, Завистью, Раздором, Злословием и другими сосольниками.

Взамен Коршуна с его мрачной Чернотой, мучительной Болтливостью, постыдным и цыганским Надувательством, ненавистным Нападением, слепым Презрением, неряшливым Рабством, поздним Исполнением и нетерпеливой Жадностью воцаряются божественная Магия со своими дочерьми, Гадание со своими служителями и семейством, между коими самый главный и первый – Предсказание, им же обычно пользуются с добрыми целями на полях военного Искусства, Закона, Религии и Жречества.

На месте, где раньше была Чаша и с нею Обжорство и Пьянство с толпою подчиненных, товарищей и присных, появляются Воздержание, Трезвость и Снисхождение к побежденным с их порядками и условиями.

Где неизбежно стоит и утвержден в своем святилище полубог Центавр, вместе с ним водворяются божественная Притча, святое Таинство, нравственная Басня, божественное и святое Священство со своими учителями, хранителями и служителями, отсюда падает и изгоняется Басня пустая и звериная со своей глупой Метафорой, нелепой Аналогией, гиблой Аналогией, суетной Тропологией, темной Фигуратурой, с их лживым двором, свинскими собраниями, бунтовщическими сектами, спутанными ступенями, беспорядочными порядками, безобразными преобразованиями, нечистой чистотою, грязными очищениями и опаснейшими злодействами, кои все пребывают на полях Скупости, Дерзости и Надменности, над кем главенствует свирепая Злость и ору дует темное и тучное Невежество.

С Алтарем пребудут Религия, Благочестие и Вера: с восточного угла его падают Легковесие с уймою дурости и Суеверие со всякого рода делами, дельцами и делишками, и с западной стороны несправедливое Неблагочестие и бессмысленное Безбожие летят в пропасть.

Где ждет Южная Корона, там Награда, Честь и Слава – плоды деятельных добродетелей и добродетельных трудов, кои зависят от милости упомянутых небесных внушений.

Откуда берут полуденную Рыбу, там Приобщение к только что упомянутым почетным и славным плодам, там Радость, Река Наслаждения, поток Удовольствия, там Вечеря, там Душа.

«Питаем ум такую славной пищей,
Что с ней Юпитера амброзия и нектар не завидны».

Там – Предел бурных трудов, там Ложе, там тихий Отдых, там безопасный Покой.
Будь здрав!

Собеседники:

София, Саулин и Меркурий

Диалог первый

Первая часть первого диалога

София. Так что если б в телах, материи и сущем не было изменения, разнообразия и чередования, то не было б ничего приятного, ничего хорошего, никакого наслаждения.

Саулин. Ты, София, доказала это очень хорошо.

София. Всякое наслаждение, как мы видим, состоит ни в чем ином, как в известном переходе, пути и движении. В самом деле, отвратительно и печально состояние голода, неприятно и тяжело состояние сытости; но что дает нам наслаждение, так это движение от одного состояния к другому. Состояние любовного пыла мучит нас, состояние удовлетворенной страсти угнетает, но что дарит нам удовольствие, так это переход из одного состояния в другое. Ни в каком настоящем положении нельзя было бы найти наслаждения, если б нам прошлое не стало в тягость. Если работа и приятна нам, то только вначале – после отдыха; и в отдыхе есть наслаждение только сначала, после работы.

Саулин. Если это так, то нет радости без примеси горя; не в движении ли одинаково соприкасаешься и с тем, что нас радует, и с тем, что нас печалит?

София. Правильно говоришь. К сказанному добавлю только, что иной раз сам Юпитер, когда ему надоедает быть Юпитером, устраняется от дел и становится то земледельцем, то охотником, то солдатом – вот он вместе с богами, вот с людьми, вот со зверьми. Горожане устраивают для себя праздники и развлечения в деревнях, а поселяне отдыхают, празднуют и проводят свободные от работы часы в городах. Кто только что сидел или лежал, тот с удовольствием и радостью ходит, напротив, находит себе отдых в сидении, кому пришлось много бегать. Нравится на воздухе тому, кто слишком долго пробыл дома; влечет к себе комната того, кто пресытился полями. Часто есть какое бы ни было приятное кушанье значит, в конце концов, получить к нему отвращение. Только перемена одной крайности на другую, благодаря своему соучастию и в той, и в другой крайности, только движение от одной противоположности к другой, благодаря своим серединам, может удовлетворить. И, наконец, насколько велико родство между крайностями, мы можем видеть из того, что они скорее сходятся меж собою, нежели подобное с подобным себе.

Саулин. По-моему, это все так, ибо правосудию нечего делать там, где нет преступлений, согласие устанавливается только там, где были споры; круглое не ложится на круглое, потому что они касаются только в одной точке, но выпуклое покоится на вогнутом; и в нравственном мире – гордый не может ужиться с гордым, бедняк с бедняком, скупой со скупым, но гордый находит себе удовлетворение в униженном, богатый – в бедном, скупой – в расточителе. Значит, если судить с физической, математической и нравственной точек зрения, то ясно, что не малого доискался тот философ⁴, который проник в смысл совпадения противоположностей, и вовсе не глупый практик тот маг, который ищет, в чем состоит оно, это совпадение. Стало быть, все, что вы сказали, – сушая правда. Но я хотел бы знать, о София, ради чего, с какой целью вы это говорите?

София. Отсюда я хочу вывести вот что. Начало, середина и конец – рождение, рост и совершенствование всего, что мы видим, идут от противоположностей, через противоположности, в противоположностях, к противоположностям: там, где есть противоположности, есть действие и противодействие, есть движение, есть разнообразие, есть множество, есть порядок,

⁴ О Николае Кузанском, учение которого о совпадении противоположностей послужило для Джордано Бруно исходною точкою в утверждении учения о единстве вселенной.

есть степени, есть последовательность, есть черед. Поэтому каждый, кто хорошенько поразмыслит над этим, никогда не станет отчаиваться или возноситься духом от того, что у него есть и что – он сам в настоящем, как бы это настоящее ни казалось ему, по сравнению с другими жизненными обстановками и долею, хорошим или дурным, худшим или лучшим. Так я со своим божественным предметом – Истиною, которую так давно гонят, скрывают, преследуют и угнетают, считаю этот мой предел, волею судьбы, за начало моего возвращения, появления, возвышения, прославления тем большего, чем больше были противоположные крайности.

Саулин. Точно так же бывает с тем, кому хочется повыше подпрыгнуть от земли: он должен прежде хорошенько нагнуться; а кто стремится наверняка перескочить какой-нибудь ров, тот, отойдя назад шагов на восемь или на десять, набирается духу.

София. Значит, тем скорей надеюсь я на лучшее и счастливое будущее, по милости судьбы, чем хуже приходилось мне до сих пор.

Саулин.

... Чем ниже,
Чем глубже человек спускается на дно
Фортуны колеса: коль вновь завертится оно, тем ближе,
Тем скорей взберется он, куда ему взобраться суждено.
Так голову свою чуть не кладет сегодня под секиру,
Кто завтра диктовать Законы станет миру⁵.

Но, пожалуйста, продолжай, София, более подробно развивать предмет своей речи.

София. Громовержец Юпитер, после того как столько лет держался молодцом, гулял и увлекался любовными и военными похождениями, теперь, как бы укрощенный временем, начал уклоняться от игривой и порочной жизни и той обстановки, в какой протекают юношеские и зрелые годы.

Саулин. Поэты – да, но философы никогда не изображали так богов. Значит, Юпитер и другие боги стареют? Значит, нет ничего невозможного в том, что и им придется переплывать на другой берег Ахеронта?⁶

София. Молчи, Саулин. Не отвлекай меня, выслушай до конца.

Саулин. Говори же, я буду слушать очень внимательно. Я убежден, что из твоих уст могут исходить только великие и важные речи, и боюсь одного, сумеет ли моя голова понять и вместить их в себе.

София. Не сомневайся. Так вот, говорю я, Юпитер начал стареть и не допускает больше на совет к себе никого, кроме тех, у кого на голове снег, на лбу морщины, на носу очки, в мозгу мука, в руках палка, в ногах свинец, в голове, говорю, воображение правдивое, размышление усердное, память твердая, на челе разумение, в очах благоразумие, в носу мудрость, в ушах внимание, на языке правда, в груди искренность, в сердце упорядоченные чувства, в плечах терпение, на спине забвение обид, в желудке умеренность, в животе чистота, в лоне сдержанность, в ногах постоянство, в ступнях точность, в шуйце пятикнижие законов, в деснице рассудительный разум, положительное знание, закономерное правосудие, повелевающий авторитет и исполнительная власть.

Саулин. Хорошо бы жилью, да нужны ему хорошие чистка и мытье.

София. Теперь нет зверей, в каких обращался Юпитер, да нет и Европ⁷, которые орогатили бы его в быка; нет Данай⁸, которые побледнили бы его в золото; нет Лед⁹, которые окры-

⁵ Стихи из «Неистового Орланда» Ариосто.

⁶ Ахеронт – река, через которую в лодке Харона переплывали тени усопших в ад.

⁷ Европа – дочь египетского царя Ио. Юпитер, увлекшись ею, превратился в быка и в таком виде унес ее из Египта на

лили бы его в лебедя; нет таких, как нимфы Астерии¹⁰ и фригийские юноши¹¹, которые оког-
тили бы его в орла; нет Деоид¹², что озмеили бы его, ни Мнемозины, что разжаловали бы его
в пастухи, ни Антиоп¹³, что полуозверили бы его в сатира, ни Алкмен¹⁴, которые преобразили
бы его в Амфитриона; ибо кормчий, поворачивавший и направлявший корабль превращений,
так ослабел, что почти не в силах противиться неистовству волн, а может, под кораблем ста-
новится все мельче. Паруса так измочалились и износились, что напрасно надувает их ветер.
Что до весел, на которых обычно при противном ветре и бурливой погоде двигалось судно, то
теперь, будь хоть какая погода, пусть по воле Нептуна совсем утихнет его поле, тщетно лоцман
станет свистеть: «На нос! В корму! Назад! В весла!» – гребцы стали вроде паралитиков.

Саулин. Ох! Большое несчастье!

София. Поэтому пусть никто больше не описывает и не изображает Юпитера грубым и
чувственным, ибо благой Отче занялся усовершенствованием духа.

Саулин. Как тот, что держал-держал при себе столько жен, столько жениных служанок
и наложниц, а в конце концов пресытился, утомился, устал и молвил: «Суета сует и всяческая
суета!».

София. Думает Юпитер о своем Судном Дне, ибо предел или больше, или меньше,
или ровно 36 000 лет, как идет повсюду молва, близок предел, когда Революция Мирового
Года грозит тем, что другой Небесный Вседержитель примет власть. Вот Юпитер и боится,
как бы вследствие изменений, какие приносит с собой переворот, и в силу различных, до сих
пор неслыханных и невиданных взаимоотношений и положений планет, волею судьбы, наслед-
ственная последовательность событий, перестав быть такой, как она была в предыдущей Вели-
кой Мировой Революции, сделалась значительно разнообразнее и пестрее, чем то предска-
зывают всевозможные астрологи и прочие прорицатели.

Саулин. Стало быть, есть опасение, как бы не явился какой-нибудь более осторожный
Уран, который по примеру попа Ивана¹⁵, чтоб предупредить возможные в будущем неудобства,
прогонит своих сыновей в ущелья горы Амарат и, кроме того, из опасения, чтоб какой-нибудь
Сатурн не оскотил его, всегда станет носить железные штаны и ни за что не будет ложиться
спать без алмазных. А тогда уже, раз не будет иметь места предшествующее действие, закроется
дверь и всем прочим последующим; и напрасно станут ждать дня рождения Кипрской богини,
свержения хромого Сатурна, возвышения Юпитера, размножения сынов и сынов сынов, вну-
ков и внуков внуков вплоть до того счетом поколения, какое живет в наше время и будет еще
жить после нас до предреченного предела.

«И снова к троянским стенам великий Ахилл не прибудет».¹⁶

противоположный берег Средиземного моря – в Европу.

⁸ Даная – мать Персея. Отцу ее – Акризию – было предсказано, что внук лишит его престола. Он запер Даная в башню, но
Юпитер, прельстясь красотой Данаи, проник к ней в виде золотого дождя и сделал ее матерью. Акризий бросил дочь и внука
в ящике в море. Ящик выбросило на остров Сериф, где Персей был воспитан царем Полидеком.

⁹ Леда – супруга лакедемонского царя Тиндарея, которою овладел Юпитер, принявши вид лебедя.

¹⁰ Астерия – дочь титана Цей. Юпитер преследовал ее в образе орла: она была превращена сначала в куропатку, а затем
в камень, упала в море и стала островом Делосом в Эгейском море.

¹¹ Намек на Ганимеда, фригийского юношу-красавца, которого похитил Юпитер к себе на небо, превратившись в орла.

¹² Деоида (в тексте у Бруно стоит Dolide, но Джентиле указывает, что это или ошибка памяти Бруно, или неверное чтение
в древних изданиях Овидия, так как ясно, что все это место вдохновлено шестой главою «Метаморфоз», где перечисляются
– 103–115 стих, – любовные превращения Юпитера) – дочь Деои или Цереры – Прозерпина.

¹³ Антиопа – дочь беотийского царя Никтея. Один из двух ее сыновей, рожденных от Юпитера, был певец Амфион.

¹⁴ Алкмена – мать Геркулеса. Юпитер принял образ мужа ее Амфитриона, чтобы овладеть ею.

¹⁵ Поп Иван – легендарная личность Средневековья. Рассказывали о нем, что его царство находится в Азии и Африке
и что сам он бессмертен. Известный путешественник итальянец Марко Поло дает место этому царству в северном Китае.
Позднее стали переносить это царство в Африку, в частности в Абиссинию. (Der Presbyter Johannes in Sage u. Geschichte –
Oppert; La legende du pretre Jean – Brunei).

¹⁶ Переименованный стих Вергилия из знаменитой и высоко почитавшейся в Средневековье четвертой эклоги. В переводе

София. В таком-то положении вещей, постоянно заглядывая в назойливый мемориал слабеющей силы и уходящей доблести и предчувствуя смерть, Юпитер ежедневно шлет пламенные обеты и изливается в страстных мольбах судьбе, дабы в наступающих веках события были направлены в его пользу.

Саулин. Ты, София, говоришь мне диковинные вещи. Неужели, по-вашему. Юпитер не знает, что такое судьба, которую называют почти все очень правдивым прозвищем – неумолимой. Ведь наверняка случалось же ему во время своих вакаций (опять-таки с разрешения судьбы) читать кого-либо из поэтов, а тогда, легко стать, ему попался под руку трагик Сенека, у которого он мог прочесть следующее:

Рок нас ведет, и мы покоряемся року:
Жизненных нитей, судьбой обреченных для пряжи,
Хлопотливая мысль изменить не может.
Все, что ни делаем и как ни живем, —
От высокого и неизменного зависит веления;
И неумолимая сестра
Закрученную нить не раскрутит назад.
Парки блюдут известный порядок,
В то время как каждый из нас
Идет, не зная, навстречу своей судьбе¹⁷.

София. И еще – судьба обрекла Юпитера неуклонно и всемерно идти навстречу своему предназначению, хотя бы и знал этот самый Юпитер, что все неизменно и не может быть иначе, чем оно есть. Судьба определила мольбы, которые доходят и которые не доходят, а чтоб не огорчать переселяющиеся души, положила на пороге изменений непременно вкушать от Летейских вод с той целью, чтоб каждый благодаря забвению с тем большим чувством и рвением стремился удержаться в своем настоящем положении. Потому-то юноши не требуют назад свое детство, дети не добиваются утробной жизни, и никто в этой жизни – того состояния, в каком он жил прежде, чем очутиться в тех или иных природных условиях. Свинья не хочет умирать, чтобы не стать не свиньей. Лошадь больше всего опасается перестать быть лошадью. Юпитер в настоящее трудное время страшно боится не быть Юпитером. Но благодарение и слава судьбе: не испив вод этой реки, он не переменит своего положения.

Саулин. Значит, София, – неслыханная вещь! – и этому божеству есть куда обращать свои мольбы? И оно трепещет правосудия? Я удивлялся прежде, почему это боги больше всего страшатся нарушить клятву Стиксовым болотом. Теперь понимаю: причина – наказание, которое и они должны понести.

София. Это так. Кузнецу своему Вулкану Юпитер запретил работать по праздникам; Вакху наказал не выпускать своей свиты и не позволять Эвантам¹⁸ гулять, разве что во время карнавала и в главные праздники года, только после ужина, с заходом солнца, да и то не без нарочитого на каждый раз позволения.

Мом, тот самый, что когда-то давным-давно говорил против богов и, как им казалось, слишком строго обличал их грехи, за что был изгнан с собраний и советов и прикреплен к звезде, находящейся в кончике хвоста Каллисто¹⁹, дабы не мог перейти пределы параллели, под коей стоит гора Кавказ, где бедный бог изнемогал от холода и голода, – вызван теперь

Вл. Соловьева этот стих дан так: «И вторично пошлют Ахилла великого к Трое».

¹⁷ Стихи из трагедии «Эдип» Сенеки.

¹⁸ Эванты – свита Вакха, от праздничного клика «Эвоэ!» на торжествах в честь Вакха.

¹⁹ «...в кончике хвоста Каллисто» – созвездия Медведицы, ибо в нее превращена была нимфа Каллисто.

обратно, оправдан, восстановлен в своем прежнем достоинстве и назначен ординарным и экстраординарным проповедником с широчайшими полномочиями обличать пороки, невзирая ни на чьи титулы и сан.

Купидону Юпитер запретил впредь ходить повсюду в присутствии людей, героев, богов таким голоштаным, как у него есть привычка, и приказал ему не оскорблять отныне зрение небожителей, показывая детородные части всему Млечному Пути и олимпийскому Сенату, но ходить впредь одетым, по крайней мере, от пояса до низу. Кроме того, Юпитер строго-настрого наказал ему, чтоб он не смел сыпать своими стрелами, кроме как для естественной потребности, а чтоб любовь у людей он сделал, как у животных, приурочив ее к точно определенным временам года. Пусть точно так, как для кошек месяцем влюбленности обычно служит март, для ослов – май, для людей были приспособлены те дни, когда Петрарка влюбился в Лауру²⁰ и Данте – в Беатриче. И да будет это постановление временным вплоть до ближайшего собрания, которое состоится, когда Солнце поднимется на 10 градусов Весов, на верховья реки Еридана там, где гиб Орионова колена.

На этом собрании снова будет восстановлен природный закон, в силу которого будет дозволено всякому мужу иметь столько жен, скольких он в состоянии прокормить и оплодотворить, ибо расточительно, несправедливо и в сущности противно законам естества, чтоб это человекотворческое семя, которое могло бы создавать героев и наполнять пустые обители эмпиреи, сеялось в одну, уже оплодотворенную и беременную, женщину или в еще худшие личности, как иные, незаконно преследуемые, что из боязни дурной славы делают выкидыши.

Саулин. Очень предусмотрительно, по моему рассуждению. Что же дальше?

София. Ганимеду, который вызывал гнусную подозрительность ревнивой Юноны и был у Юпитера в большом почете, так что одному ему дозволялось подходить к Юпитеру и подавать трехзубчатые стрелки, в то время как сзади в почтительном отдалении держались все боги, если у него нет иных добродетелей, кроме той, в которой теперь нет нужды, грозит опасность, как бы из Юпитеровых пажей не стать конюхом у Марса.

Саулин. Отчего такая перемена?

София. Да все оттуда же, откуда и для Юпитера, и еще оттого, что завистливый Сатурн в былые дни так ощутительно схватил своею грубою рукой Ганимеда за подбородок и румяные щечки, что от такого прикосновения лицо у него стало зарастать шерстью, и вот мало-помалу исчезла его грация, та грация, что сумела когда-то сманить Юпитера с неба, а самого Ганимеда с помощью Юпитера вознесла на небо, так что сын человеческий обожествился, а Отец богов оптичился.

Саулин. Удивительнейшие вещи! Продолжай.

София. Юпитер обязал всех богов не держать при себе пажей или спальников моложе 25 лет.

Саулин. Ой, ой! Что же это, как же Аполлон-то со своим милым Пацинтом?

София. Ох, если б ты знал, как он недоволен!

Саулин. Вполне вероятно, что это его огорчение вызвало потемнение неба более чем на неделю; его дыхание нагнало столько облаков, его вздохи – такие бурные ветры, и его слезы – такие проливные дожди.

София. Угадал.

Саулин. Что ж будет с бедным юношею?

София. Аполлон решил его отослать для изучения человеческих наук в какой-нибудь университет или реформатскую коллегию и подставить его под розги какого-нибудь педанта.

Саулин. О, Фортуна, о, предательская судьба! Как тебе покажется этот дутыш в педантах? Не лучше ли было поручить его попечению какого-нибудь поэта, отдать его в руки ора-

²⁰ По признанию самого Петрарки, великий поэт влюбился в свою Лауру 6 апреля 1327 г.

тора или приспособить к древу креста? Не удобнее ли было отправить его под строгое руководство...

София. Перестань, перестань! Что должно быть, будет; что должно было быть, есть. Итак, чтоб покончить с историей о Ганимеде, доскажу. Позавчера он, надеясь на обычную приветливость, со всегдашнею мальчишескою усмешкою подал Юпитеру чашу нектара, а тот, мрачно взглянув на него, молвил: «Неужели тебе не стыдно, сын Троо? Неужели ты все еще считаешь себя мальчиком? Неужели с годами ты не остепенился, и у тебя не прибавилось разума? Разве тебе невдомек, что уже прошло то время, когда при прохождении нашем через внешний двор меня оглушали Силен, Фавн, Приап и прочие, считавшие для себя счастьем, если могли найти удобный случай ущипнуть тебя или только дотронуться до одежды, а после на память о щипке не мыли рук перед едой и перед тем, как совершать иные дела, какие им подсказывала фантазия. Теперь время размыслить. Подумай-ка, не переменить ли тебе ремесло. Мне не до пустяков сейчас».

Если б кто видел, как изменилось лицо бедного мальчика или юноши, не знаю, чему поддался бы он скорее – состраданию, смеху или борьбе обоих чувств.

Саулин. Я думаю на этот раз, visit Apollo.

София. Погоди. Все, что ты до сих пор слышал, только цветочки.

Саулин. Говори же.

София. Вчера, в день праздника победы богов над гигантами, сейчас же после пира, та, что одна владычествует над вещественною природой, и благодаря которой наслаждается все, что наслаждается в поднебесной, —

Мать Энеева племени, радость людей и бессмертных,
Ты, о Венера благая, что между светилами неба
Свет проливаешь свой радостный на судоходное море
И плодоносную землю. Все сущие в мире создания
Зиждятся только тобой и видят лучистое солнце.
Перед тобой облака разгоняются светом, богиня,
Где появляешься ты, там земля вся пестреет цветами,
Пышным нарядом своим улыбается тихое море,
И примиренное небо все блещет лучистым сияньем,
Как только милый свой лик открывает весна
Молодая²¹.

Приказав открыть бал, предстала перед Юпитером с таким изяществом, что смогла бы утешить и очаровать мрачного Харона, и по обычаю первая подала руку Юпитеру. Последний, вместо того чтобы, как заведено, повторяю, обнять ее левой рукой и прижать грудь к груди, а двумя первыми пальцами правой взять ее за нижнюю губку, приложив уста к устам, зубы к зубам, язык к языку (ласки более страстные, чем приличествует отцу и дочери) и с ней в таком виде выступить на бал, — вместо всего этого Юпитер вчера, прижав правую руку к сердцу и отстранив Венеру назад (как будто говоря: «Noli me tangere»), с сострадательным видом и лицом, полным благочестия, рек ей: «Ах, Венера, Венера! Неужели ты раз навсегда не задумаешься над нашим положением, и в частности над своим? Подумай-ка, справедливо ли воображают о нас люди, будто тот, кто стар, — вечно стар, кто молод — вечно молод, кто мальчик — вечно мальчик, и так все пребывает на вечные времена таким же, как оно было, когда мы вознесены были с земли на небо. Не думаешь ли ты, если там наши изображения и портреты представляют всегда одно и то же зрелище, так и здесь не происходит никаких изменений и

²¹ Вольный перевод поэмы Лукреция «О природе вещей».

перемен в нашем телесном составе? Сегодня по поводу праздника мне вспомнилось, каким я был в те времена, когда разил молниями и побеждал гордых гигантов, которые осмелились взгромоздить на Оссу Пелию и на Пелию Олимп; когда я смог низвергнуть в мрачные пещеры бездонного Орка дикого Бриарея²², которому Мать-Земля дала сто плеч и сто рук, чтобы бросать скалы на богов и завоевывать небо; когда я привязал дерзкого Тифоея там, где Тирренское море сливается с Ионическим, прикрепив его на острове Тринакрии²³, назначив остров вечной гробницей для живого тела титана. Недаром говорит поэт:

Остров просторный Тринакрии был
на гигантовы члены
Навален, и своей громадной тяжестью давит
Он Тифоея, дерзнувшего место искать среди эфира.
Все ж упирается он и силится часто подняться:
Но десную его Авзонский Пелор прикрывает,
Левую – ты вот, Пахин; Лилибеем придавлены ноги,
Голову Этна теснит, под коею навзничь лежащий
Тифоей изрыгает песок и пламя из пасти²⁴.

Я, что на другого гиганта бросил остров Прочиду, я, который укротил дерзость Ликаона и во время Девкалиона затопил землю, восставшую на небо, и еще многими иными славными подвигами показавший себя достойнейшим своей власти, вот теперь не нахожу сил противостоять каким-то жалким людишкам, и приходится мне, к великому своему позору, предоставить мир на волю случая и фортуны. Так что всякий, кто лучше за нею гонится, успевает и кто ее побеждает, наслаждается. Я стал теперь тем эзоповским львом, которого безнаказанно лягает осел, а за ним и бык. Я сейчас вроде бесчувственного чурбана, к которому свинья идет чесать свое грязное брюхо.

Знаменитейшие оракулы, святилища и алтари, какие были у меня, теперь повергнуты наземь и самым позорным образом поруганы, а вместо них воздвигнуты жертвенники и статуи тем, кого я стыжусь назвать, ибо они хуже наших сатиров и фавнов и других полузверей, они даже подлее египетских крокодилов: те все же – под руководством магов – показывали собою некие знамения божества, а эти – сущая пыль земли! Произошло это все по несправедливости враждебной нам Фортуны, которая избрала и возвысила их не столько для того, чтобы почтить их, сколько для вящего нашего унижения, посрамления и позора. Законы, статуты, культы, таинства, жертвоприношения и церемонии, которые я дал через своих посланников Меркуриев, которые я учинил, назначил, установил, расстроены и уничтожены. Вместо них учиняются самые грязные и недостойнейшие подлости, какие только смогла выдумать эта Слепая, чтоб сделать людей, которые благодаря нам становились героями, хуже зверей. До нашего носа не достигает больше запах жареного, приготовляемого на жертвенниках, так что, если иной раз захочется поесть, отправляйся на кухню, как нищенка. И хотя кое-где алтари курятся еще ладаном (*quod dat avara manus*)²⁵, все же я боюсь, как бы мало-помалу этот дым не развеялся дымом, не оставив после себя больше никаких следов от наших святых обрядов. Мы знаем хорошо по опыту, что мир точь-в-точь как ретивый конь. Узнай он, что его оседлал ездок, не умеющий ловко править, он исполнится презрения и попытается сбросить с седла такого седока, а сбросив, начнет его лягать копытами.

²² Бриарей, Тифоей (Тифон) – титаны.

²³ Остров Сицилия.

²⁴ Стихи из Овидия, в тексте в переводе А. А. Фета.

²⁵ «*Quod dat avara manus*» – что дает скупая рука.

Вот у меня сохнет тело, и разжижается мозг; сыплется песок, и падают зубы; золотится кожа, и серебрится волос; расширяются зрачки, и укорачивается зрение; слабеет дыхание, и усиливается кашель; при ходьбе я трясусь, а сидя цепенею; трепещет мой пульс, и твердеют ребра; суставы мои ссыхаются, и связки разбухают, и, наконец, что меня больше всего мучит, мозолятся пятки, и размягчаются лодыжки:

Юнона моя не ревнует меня,
Юнона моя уж не любит меня.

О твоём Вулкане, оставляя в стороне прочих богов, рассуди сама. Где теперь сила моего кузнеца, а твоего супруга, который, бывало, с такой мощью потрясал крепкую наковальню, чьим громовым ударам, выходившим из огнедышащей Этны на кругосвет, отвечало Эхо от пещер окруженного полями Везувия²⁶ и от скалистого Табурна? Неужели эта сила исчезла? Неужели исчезла? Неужели он не в состоянии раздуть мехи и зажечь огонь? Неужели нет сил поднять тяжелый молот и ковать раскаленный металл?

Да и ты, сестра, если все еще не веришь другим, спроси у своего зеркала и увидишь, как из-за морщин, прибывающих на твоём лице, и из-за борозд, что проводит на нём плуг времени, тебя с каждым днем все труднее рисовать правдивому художнику, который захотел бы рисовать тебя с натуры. На твоих щечках там, где ты при каждой улыбке открывала две прелестные ямочки, два круга, две точки, которые, когда ты улыбалась улыбкою, освещавшей весь мир, делали в семь раз очаровательнее твоё лицо, и откуда так же, как из твоих очей, ты шутя бросала столь острые и пламенные стрелы Амура, там теперь, начиная от углов рта, с той и другой стороны, стали вырисовываться четыре скобки, что своими двойными полуокружными арками охватывая рот, тем самым мешают тебе смеяться и, протягиваясь от зубов к ушам, дают тебе сходство с крокодилом. Не говоря уже о том, что твой внутренний геометр, который, смеясь или нет, сушит в тебе жизненную влагу и, сближая все тесней и теснее кожу с костями, утончая покровы, все резче и резче выписывает на лице твоём четыре параллели, тем самым указывая тебе прямой путь к смерти...

Что ты плачешь, Венера? Чего смеешься, Мом?» – сказал Юпитер, заметив, как один оскалил зубы, а другая залилась слезами.

«Еще Мом помнит, как один из шутов (каждый шут обычно шутя говорит больше правды своему государю, чем весь его двор, и услугами шутов пользуются те, кто не смеет высказаться открыто) говорил, будто Эскулап, вырвав у тебя два гнилых зуба, заменил их песком из оленьего зуба и кораллом и будто сделал это так секретно, что теперь нет петрушки на небе, который бы не знал этого. Видишь, милая сестра, как нас укрощает предательское время, как все мы подвержены изменениям. И больше всего меня удручает то, что у нас нет ни надежды, ни уверенности вернуться вновь в то самое состояние, в каком мы так долго были. Мы уйдем, но вернемся уже не теми же самими. И как мы забыли о том, чем были раньше своего теперешнего состояния, так не можем узнать, что с нами будет впереди.

Точно так же и страх, и благочестие, и религия наша, почитание, уважение и любовь к нам уходят прочь, а вместе с ними сила, провидение, доблесть, достоинство, величие и красота, исходившая от нас, исчезнут, как тень, вместе с телом. Одна истина с совершенною добродетелью неизменна и бессмертна, и если бывает, что ее гонят и скрывают, то все же с неизбежностью она воскресает в свое время с помощью служанки своей Софии.

Остережемся же и не оскорбим божество судьбы, причинив обиду этим двум божествам – Близнецам, этому двойному божеству, которое так возлюбила и одарила судьба своим покровительством. Поразмыслим о нашем будущем состоянии и не будем подобны тем, кто мало

²⁶ Табурн – как и Везувий, гора в окрестностях Нолы, родного города Бруно.

читит всеобщее божество судьбы, но вознесем наши сердца и чувства к этому щедрому пода-телю всякого добра и распределителю всех жребиев. Станем молить ее, чтоб при нашем пере-ходе или перевоплощениях нам достались счастливые гении. А если она и неумолима, то все же нужно молить ее о том, чтоб остаться или в теперешнем положении, или перейти в другое, лучшее, или подобное, или немного худшее. Добрые чувства к верховному Существо есть как бы залог грядущих милостей от него. Подобно тому как предназначенного быть человеком естественно и необходимо судьба ведет через чрево матери, как дух, предназначенный вопло-титься в рыбу, прежде всего должен попасть в воду, так тому, кто предназначен быть угодным божеству, приличествует пройти путем добрых обетов и молитв».

Вторая часть первого диалога

Такими словами, то и дело прерывая их вздохами, великий Отец небесного отечества закончил свою беседу с Венерой и обратил предложение устроить бал в предложение созвать великий совет богов круглого стола; то есть не подставных богов, но настоящих, у кого голова совета, а не тех, у кого бараньи головы, бычьи рога, козлиная борода, ослиные уши, козы лбы, куриные желудки, лошадиные животы, ноги мула и хвост скорпиона.

Поэтому, как только Мизен²⁷, сын Эола (ибо Меркурий с презрением отказался быть, как прежде, глашатаем и вестником приказов), провозгласил о воле Юпитера, все боги, разо-шедшиеся было по дворцу, быстро очутились в сборе. И вот, когда наступило молчание, когда после всех уже сам Юпитер с печальным и грустным видом, но вместе и с высоким самообла-данием, с властительным величием шествовал на свое место, как раз перед тем, как ему взойти на солею и появиться в трибунале, вынырнул Мом и заявил со своей обычной развязностью Юпитеру так тихо, что все услышали, следующее:

1. – Это собрание должно быть перенесено на другой день и в иные условия, Отче. Зазвать на конклав в такое время, сейчас же после пира, – такая насмешка кажется мне делом рук тво-его нежно любимого секретаря. Ведь нектар, плохо переваренный желудком, не успокаивает и укрепляет, но изменяет и удручает природу, смущает воображение, одних делая беспричинно смешливыми, других – беспорядочно веселыми, третьих – суеверно набожными, четвертых – попусту героическими, пятых – холериками, шестых – строителями воздушных замков, – и все это до тех пор, пока вместе с полным испарением одних и тех же паров чрез различно услож-ненные мозги всякое воздействие исчезнет и рассеется как дым. Сдается мне, Юпитер, тебя вывели из равновесия и огорчают какие-то странные, не определившиеся еще мысли. Всяк осудит тебя за это без снисхождения, хотя я один осмеливаюсь сказать тебе, побежденному и мучимому мрачной меланхолией: зачем было звать нас на совет без заблаговременного преду-преждения, в праздничный день, после обеда, после хорошей еды и выпивки? Как при всех этих обстоятельствах хотите вы трактовать о вещах – сколько я могу понять и, так сказать, вынюхать, – очень важных?

Так как не в обычае да и не особенно дозволялось прочим богам оспаривать Мома, то Юпитер, бросив на него полунасмешливый, полупрезрительный взгляд и ни слова не ответив, взошел на высокую кафедру, сел и оглядел венки собравшегося Великого Сената. Под этим взглядом у всех забились сердца и от удивления, и от ошеломляющего страха, и от полноты уважения и почтения, какие возбуждает в смертных и бессмертных грудях величие. Затем, опустив несколько брови и подняв зеницы вверх, Юпитер, вздохнув полной грудью, разразился следующей речью.

²⁷ Трубач в войске Энея. Погиб после высадки на итальянский берег. Могила его в Неаполитанском заливе – знаменитый Мизенский мыс – Capo Miseno – западная оконечность залива.

Речь Юпитера

Не ждите, о боги, чтобы я, по своему обыкновению, ударил вам в уши искусственным вступлением с вычурной нитью повествования и с изящным объемистым заключением. Не надейтесь на разукрашенную ткань слов, гладко выложенную вереницу мыслей, на богатое снаряжение изящных предложений, на пышное великолепие разработанных периодов и на то, чтоб я, согласно ораторским правилам, трижды закруглил свои взгляды, прежде чем их высказать: «Non hoc ista sibi tempus spectacula poscit»²⁸.

Верьте мне, ибо будете верить истине, уже двенадцать раз восполнила свои посеребренные рога целомудренная²⁹, прежде чем я остановился на решении созвать это собрание сегодня, в тот час и при тех условиях, какие видите. И так как был занят главным образом тем, о чем я, к сожалению, должен умолчать, то мне не пришлось обдумать свою речь. Слышу, вы удивлены: почему в такое время, оторвав вас от ваших досугов, я пригласил вас тотчас после пира на неожиданное совещание? Чувствую: вы ропщете на то, что в праздничный день в ваши сердца толкнулись важные дела, и нет никого из вас, кто не был бы обеспокоен звуками труб и возгласением эдикта. Но я, хотя все это и произошло по моей воле, а моя воля и приказание есть основа справедливости, все-таки прежде всего не премину освободить вас от изумления и смущения. Медленны, говорю я, серьезны и вески должны быть предложения, зрелы, тайны и осторожны обсуждения, но зато исполнение должно быть крылатым, скорым и быстрым. Поэтому не думайте, якобы мной за обедом овладело какое-то странное настроение, связавшее и покорившее меня после обеда, так что я не по зрелом размышлении, а под влиянием нектарных паров взялся за дело. Напротив, ровно год тому назад, с этого самого дня, приступил я про себя к рассмотрению всего того, что я изложу сейчас и сегодня. Потому после обеда, что не в обычае приносить плохие известия на голодный желудок; неожиданно, ибо очень хорошо знаю, вы не так-то охотно, не как на праздник, ходите на совет, и многие из вас весьма упорно их избегают: одни – боясь нажить себе врагов; другие – не умея разобраться, где победители и где побежденные; кто из страха, что отвергнут его предложения; кто в обиде на то, что его мнений иной раз не одобряют; кто, чтоб заявить себя нейтральным в щекотливых вопросах, которые затрагивают враждующие стороны; кто, чтобы не отягощать своей совести; эти – по одной, те – по другой причине.

Итак, напоминаю вам, братья и сыны: кому судьба дала право вкушать амбросию, пить нектар и наслаждаться величием, на тех вместе с тем падают все тяготы величия. Диадема, митра, корона не дают чести главе, не отягощая ее; царский скипетр и мантия не украшают, не изнуряя тела. Вам хочется знать, почему я избрал праздничный и именно сегодняшний день? Неужели же, неужели, по-вашему, в этот день можно праздновать? Разве этот день не должен быть самым трагическим днем всего года? Кто из вас, хорошенько подумавши, не назовет позорнейшим делом праздновать память победы над гигантами в то время, как нас презирают и позорят земные отребья? Лучше бы всемогущей судьбе угодно было изгнать нас с неба тогда, когда враги наши еще не унизили нас так своею доблестью и достоинством и не обличили наших изъязнов. Гораздо лучше бы нам сейчас здесь не быть, гораздо лучше бы, если б нас тогда изгнали, ибо страх перед нами, который делал нас такими славными, исчез; разбито благоговейное отношение к нашему величию, предвидению и справедливости, и, что всего хуже, у нас нет ни возможности, ни сил поправить несчастье, искупить наш позор, ибо справедливость, при помощи которой судьба управляет правителями мира, отняла у нас весь наш авторитет и власть, коими мы не умели пользоваться; открыла, обнаружила, обнажила перед глазами

²⁸ «Non hoc ista...» – К зрелищам время теперь не к таким призывает (Вергилий, Энеида. Кн. VI. Пер. Фета).

²⁹ «Целомудренная Люцина» – Диана.

смертных все наше недостойное поведение, заставив самое небо с такою же очевидностью, как ясны и очевидны звезды, свидетельствовать о наших преступлениях.

Не на небе ли можно видеть открыто плоды, реликвии, доносы, голоса, писания, истории наших кровосмесительств, разврата, растлений, гнева, презрения, похищений и прочих неправд и преступлений, и, что горше всего, какое мы допустили величайшее заблуждение, вознеся с триумфом на небо пороки и посадив их там, а справедливость и добродетели заставив терпеть изгнание, быть в небрежении, в самой преисподней!

Начну с малого, с простительных прегрешений: почему это Дельтатон³⁰ – я говорю о Треугольнике – получил себе четыре звезды, вблизи головы Медузы под задней частью Андромеды и над рогами Овна? Да чтоб показать, что пристрастие есть и у богов. Что делает Дельфин³¹ рядом с Козерогом, на севере от него владея 15 звездами? Он тут, чтоб любовались на вознесение того, кто был хорошим маклером, чтоб не сказать сводником, между Нептуном и Амфитритой. Почему семь дочерей Атланта³² расселись вверху над самой шеей белого Быка? Чтоб, оскорбляя величие всех нас – прочих богов, вечно чваниться тем, что их отец поддерживает нас и разваливающееся небо, или чтобы просто было бы на чем показать легкомыслие божеств, которые их туда водворили. Почему Юнона украсила Рака³³ 9 звездами, не считая 4 ближних, не составляющих созвездия? Да только по прихоти, за то, что он ушипнул Геркулеса, когда тот сражался с чудовищем. Кто мне сумеет дать другое объяснение, кроме бессмысленного повеления богов, в силу которого Змеебык, называемый нами, греками, Змеедержец, приобрел со своею змейкой поле в 36 звезд? А что за важный и удобный повод у Стрельца захватить 31 звезду? Да тот, что он сын Евфимии – няньки и кормилицы Муз. Почему же не матери? Потому что он сверх того умел плясать и забавлять бездельными играми. Почему Водолей владеет 45 звездами около Козерога? Не за то ли, что спас дочь Венеры Фацету, вытащенную из пруда? Но почему же это пространство отдано не тем, кому мы, боги, так многим обязаны, и кто, несмотря на это, лежит в земле, почему их предпочли оказавшему услугу, недостойную такого большого вознаграждения? Потому что так было угодно Венере.

Ну, а Рыбы... пусть они заслужили некую мзду за то, что достали из реки Евфрата яйца, высиженные голубкой и возбудившие жалость у богини Патоса³⁴, но тем не менее разве, по вашему, их стоило за это украсить 34 звездами, не считая 4 около, разве стоило им дать обители вне воды, в самой знаменитой области неба? Чего ради Орион³⁵ во всеоружии, растопырив руки, бьется один-одинешенек в венке из 38 звезд, в южной широте около Быка? Он там просто по прихоти Нептуна. Тому мало было одарить его преимуществами на воде, где у Нептуна законная власть, нет, он еще – вне своей вотчины – хочет выдвинуть Ориона при столь малых задатках.

Заяц, Большой Пес и Малый, как вы сами знаете, получили 48 звезд в южной части неба за какие-то мелочи, вроде тех, что заставили вас приблизить к себе Гидру, Чашу и Ворона,

³⁰ Треугольник. Дельта – знак и символ Минервы. В системе пифагорейцев Минерва была олицетворением числа трех и обозначалась треугольником.

³¹ Нептун прельстился Амфитритой, по сказанию Гигинуса (Astr. XVII), но она презрела его искания и убежала к Атланту. Тогда Нептун (Посейдон) отправил сватов к Амфитрите; среди них очень искусным оказался Дельфин, который сумел уговорить Амфитриту и заслужил за то вечную благодарность от владыки морей.

³² Гиადы и Плеяды; первые дочери Атласа от Этры, вторые – от Плио. Одна из Плеяд – Майя – родила от Юпитера (Зевса) Меркурия (Гермеса).

³³ Как передает Гигинус в своей астрономии (XXIII), был вознесен Юноною на небо за то, что ушипнул Геркулеса в пятку, когда тот сражался с Лернейскою гидрою, – и был убит тут же на месте разгневанным Геркулесом.

³⁴ Богиня Патоса (город на о. Кипре) – Афродита, как она преломилась в сознании греков под влиянием сирийских культов. Это та самая «четвертая Венера, как говорит Цицерон (De natura deorum, lib. III, 59), дочь Сирии и Кипра, которая называется Астарта».

³⁵ Сын Нептуна; имел чудесный дар погружаться и жить в воде. В него влюбилась Диана. Аполлон приревновал и, обладая более зорким зрением, чем Диана, подзадорил ее стрелять в темное пятно на воде. Диана, сделавшись невольной убийцей своего любимца, вознесла его на небо (Hygin. Astr. XXXIV).

одаренных 41 звездой. Ворон... не в память ли того, как его послали однажды боги за питьевой водой, а он на пути увидел фиговое дерево и на нем фиги. Измученный голодом Ворон стал ждать, когда плоды созреют, и, только напившись, вспомнил о воде, полетел набрать в клюв воды, увидел там дракона, испугался и воротился к богам с пустым зобом. А боги, чтоб засвидетельствовать свою находчивость и ум, написали на небе историю о столь прелестном и ловком слуге. Не правда ли, мило мы расходовали свое время, чернила и бумагу?

А Южную Корону, что видна под луком и ногами Стрельца, разукрашенная 13 сверкающими топазами, кто ее предназначил быть вечно не при голове? Зачем это вам понадобилось придать прелестный вид из 12 светил с шестью другими около этой южной рыбы, поместившейся под ногами у Водолея и Козерога?³⁶ Об Алтаре, или башенке, или жертвеннике, или святилище, – зовите как угодно – я уже не говорю, ибо сейчас ему более, чем когда-либо, приличествует быть на небе, так как на земле для него нет места: теперь ему здесь хорошо, как реликвии или даже как памятнику над потонувшим кораблем нашей религии и культа.

О Козероге я не скажу ничего, ибо, мне кажется, он по достоинству занимает небо. Не он ли оказал нам столько услуг: ведь только благодаря его наставлениям мы смогли победить Тифона³⁷, ибо богам нужно было превратиться в зверей, если они хотели выйти с честью из той войны; и Козерог преподавал нам науку войны, научив нас, что нельзя побеждать, если не умеешь становиться зверем.

Не говорю и о Деве, ибо только в небе она может сохранить свою девственность, только там она вне опасности под стражей с одной стороны Льва, с другой – Скорпиона. Бедняжка сбежала с земли, ибо вследствие чрезмерной похотливости и страстности женщин, которые обычно чем больше беременеют, тем более стремятся к соитию, она не могла быть в безопасности от осквернения даже во чреве матери. Да наслаждается же своими 26 алмазами и еще 6-ю около!

О безмерном величии сих двух ослов, кои светят в пространстве, принадлежащем Раку, не смею говорить, ибо и по праву, и по разуму всего более – таковых есть царствие небесное, как я это докажу в другом месте³⁸ наисильнейшими доказательствами, не осмеливаясь о такой важной материи говорить попутно. Об одном только очень горю, что с этими божественными животными обращаются так скверно: им не дали собственного помещения, но посадили в гостях у этого задом ходящего животного и дали им нищенское вознаграждение в две звезды, по звезде на каждого, и обе не больше четвертой величины.

Стало быть, об Алтаре, Козероге, Деве и Осле (хотя мне и не нравится, что поступили с некоторыми из них не по достоинству и скорее обидели, нежели почтили) не хочу сейчас говорить окончательно. Перехожу к другим, подлежащим нашему обсуждению, кои идут в тот же счет, что и вышеупомянутые.

Неужели вы хотите, чтоб все прочие земные реки возроптали на вас за то, что вы обошли их? В самом деле, почему это предпочли вы Еридан³⁹ всем другим, не менее достойным и великим и даже другим, более достойным и великим рекам, и почему это он один получил 34 светоча, которые виднеются по сю и по ту сторону тропика Козерога? Неужели, по-вашему, достаточно сказать, что там жили сестры Фазтона? Или, может, желаете эту реку прославить

³⁶ Козерог – считался олицетворением козлоногого бога Пана и в то же время молочным братом Юпитера, вскормленного козой. Во время Гигантомахии он нагнал такой страх на гигантов, что выражение «панический страх», «паника», по мнению Гигинуса, получило отсюда всеобщее распространение. По другой версии, когда губитель Тифон пришел в Египет, то все боги из страха перед ним приняли на себя различные звериные облики: Меркурий обернулся ибисом, а Пан нырнул в воду, причем нижняя часть тела стала рыбой, а верхняя – козлиной. Оборотничество спасло богов от Тифона.

³⁷ «Тифона» – так по высказанной Джентиле в примечании к тексту догадке; в тексте: «Пифона».

³⁸ Намек Джордано Бруно на свое произведение «Каббала Пегасского коня» (Cabala del cavallo pegaseo). Ослами назывались две звезды в голове созвездия Рака.

³⁹ Еридан – мифическая река, в которую упал Фазтон, сраженный молнией Юпитера.

за то, что в ее воды упал сраженный моей молнией сын Аполлона, когда тот злоупотребил отцовским саном, влиянием и властью?

Почему это конь Беллерофонта⁴⁰ вскочил наверх и облечен властью над 20 звездами на небе, в то время как всадник лежит погребенным в земле? Чего ради Стрела со своими 5 яркими звездами светит вблизи Орла и Дельфина? Не для того ли, чтоб обидеть, убрали вы ее от Стрельца, так что, когда у него выйдут в колчане все стрелы, он не сможет воспользоваться ею, или же просто для того, чтобы ей не быть там, где есть хоть какой-нибудь смысл ее пребывания на небе?

Далее я желал бы знать, зачем между шкурою Льва и головою этого милого белого Лебедя находится Лира, сделанная из рогов быка в форме черепахи. Хотел бы я знать, пребывает ли она для прославления черепахи, или рогов, или лиры, или же, чтоб всякий любовался мастерством Меркурия, который сделал ее во свидетельство своего легкомыслия и пустого хвастовства.

Вот, о боги, наши дела, отборные наши рукоделья, коими прославили мы себя на небесах. Не правда ли, как мало они отличаются от тех игрушек, что обычно устраивают дети, когда, стремясь подражать старшим, торгуют грязью, сучками и соломинками. Разве, по-вашему, не наш долг – указать смысл и отдать отчет во всем этом? Разве вы не убеждены, что нас одинаково будут уличать, допрашивать, судить и осуждать за наши праздные дела, как за наши праздные слова?

Богиня Справедливости, богиня Умеренности, богиня Постоянства, богиня Щедрости, богиня Терпения, богиня Истины, богиня Знания, богиня Мнемозина, богиня София и все прочие богини и боги изгнаны не только с неба, но и с земли, а вместо них в пышных дворцах, воздвигнутых для их местопребывания высоким Провидением, теперь находятся дельфины, козы, коршуны, змеи и прочая грязь, легкомыслие, причуды и глупости.

Если нам кажется это неудобным и нас грызет и упрекает совесть за то добро, какое мы не сумели сделать, то насколько более – вы должны в этом согласиться со мной – заслужили мы наказания и осуждения за те тяжелейшие злодеяния и преступления, совершив которые, мы не только не раскаялись, не только не искупили их, но, мало того, в честь их торжественно справили триумфы и воздвигли их, как трофеи, не на каком-нибудь жертвеннике, тленном и разрушаемом, не в земном храме, но на небе и вечных звездах. Можно терпеть, о боги, и можно легко отпускать грехи немощи и малорассудительного легкомыслия, но какое милосердие и снисхождение таким грешникам, кои, будучи поставлены блюсти справедливость и воздавать за преступнейшие прегрешения, совершают сами еще большие, так как чествуют, награждают и возносят на небеса преступления вместе с преступниками?

За какое великое и доблестное деяние получил Персей⁴¹ 26 звезд? За то, что, в сандалиях и с хрустальным щитом-невидимкою, он, подслуживаясь раздраженной Минерве, умертвил спящих Горгон и принес ей в подарок голову Медузы⁴². И мало его одного – понадобилось на долгую и славную память посадить сюда еще с 23 звездами жену его Андромеду, да еще с 13 звездами зятя Цефея, что предал свою невинную дочь поцелуям морского чудовища из-за Нептунова каприза, так как тот рассердился на ее мать Кассиопею, зачем она считала себя красивее Нереид. Поэтому и мать можно видеть тут же сидящей на троне, который украшен 13 звездами, на границах Полярного круга.

⁴⁰ Крылатый Пегасский конь. Убив нечаянно одного коринфского гражданина, Беллерофонт бежал к царю Прету. Супруга царя Антея полюбила юношу и, так как он не поддался на ее чары, оклеветала его перед царем. Боясь наложить сам руки на гостя, Прет отослал его к тестю своему, ликийскому царю Иобату с письмом-дощечкой, на коей были начертаны «злосоветные знаки».

⁴¹ Персей – сын Юпитера и Данаи. О нем у Овидия в четвертой «Книге Метаморфоз».

⁴² Медуза – самая страшная из сестер Горгон. Из мести обезображенная Минервой, она была так ужасна, что окаменяла своим взором все.

А этого отца златорунных ягнят⁴³ кто заставил танцевать на равноденственной точке, с его 18 звездами, не считая тех, что около? Уже не для того ли он там, чтобы свидетельствовать о дурашливости и неряшестве царя Колхиды, о бесстыдстве Медеи, о похотливой разнузданности Язона и о несправедливом провидении всех нас? Эти два юноши, следующие в Зодиаке за Быком⁴⁴, со своими 18 звездами, не считая неясных семи около, чему хорошему или доброму могут научить, если не взаимной любви меж двумя подростками? За что это одарен 21 звездой Скорпион, не считая восьми в клешнях и трех неясных? В награду за убийство, которое по зависти и легкомыслию устроила Диана, заставившая Скорпиона убить своего соперника, охотника Ориона. Хирон⁴⁵ со своим зверем получил, как вы хорошо знаете, 66 звезд в южных широтах неба за то, что был воспитателем сына, рожденного от кровосмешения между Пелеем и Фетидой.

Знаете вы, что венец Ариадны⁴⁶, в котором блещут 8 звезд и который сияет перед грудью Волопаса и кольцами Змеи, там единственно ради вечного воспоминания о беспорядочной любви отца Либеры⁴⁷, который сошелся с дочерью критского царя, отвергнутой насильником Тезеем.

Этот Лев, с василиском в сердце, ради чего получил здесь рядом с Раком область в 35 звезд? Не затем ли, чтоб быть вместе со своим соратником и сорабом гневной Юноны? Не приспособила ли она этого Льва к опустошению Клеонской страны, пока он не дождался себе на голову прибытия мужественного Алькида?

Говоря по правде, кажется мне неудобным, чтоб непобедимый Геркулес, мой трудолюбивый сын, занимал это место, несмотря на то, что своими многочисленными подвигами, казалось, он заслужил его больше всех и что со своей львиной шкурой и палицей он как бы защищает свои 28 звезд; все же не годится ему быть тут, ибо отсюда он свидетельствует пред очами справедливости об оскорблении, какое я нанес брачным узам своей Юноны – я и моя любовница Мегара⁴⁸, мать Геркулеса.

Корабль Арго⁴⁹ со своими 45 яркими звездами, что вбиты в него, – не для того ли там в обширном поле, соседнем с Антарктическим полярным кругом, чтоб увековечить великую ошибку мудрой Минервы, создавшей вместе с ним первых пиратов, так что и на море, как и на земле, появились проворные разбойники?

И, возвращаясь снова туда, где протянулся небесный пояс, почему это Бык получил 32 ясные звезды у начала Зодиака, не считая той, что на кончике северного рога, и 11 других, называемых тусклыми? Да потому, что есть такой Юпитер, – о, горе мне! – который похитил

⁴³ Созвездие Овна.

⁴⁴ Созвездие Близнецов: Кастора и Поллукса.

⁴⁵ Хирон – также называемый Кентавром, был воспитателем Ахиллеса.

⁴⁶ Минос, критский царь, наложил на афинян ежегодную дань – доставлять по 7 юношей и девиц в Крит на съедение чудовищу Минотавру. Герой Тезей устроил так, что на него выпал жребий, и явился к Миносу. Дочь Миноса – Ариадна, влюбившись в Тезея, снабдила его мечом и клубком нити, при помощи которой он мог выбраться из лабиринта, убив Минотавра.

⁴⁷ Либер, или Лией, – прозвище Вакха, как освободителя и разрешителя от всех забот и печалей.

⁴⁸ Алкмена, мать Геркулеса.

⁴⁹ С кораблем Арго связан один из самых интересных и волнующих мифов древности – о походе аргонавтов в Колхиду за Золотым руном. Целый цикл героических сказаний до сих пор живо дает чувствовать современному читателю, с каким энтузиазмом совершенно было завоевание морской стихии, и человек сделался бесстрашным пловцом и исследователем новых стран. Предводителем аргонавтов был Язон. В числе его спутников были певец Орфей, прорицатель Амфиарай, Кастор и Полидевк, Теламон и Пелей, Геракл, Мелеагр, Тезей, Лаэрт и др. – весь цвет Греции. Колхидой правил могущественный царь Аэт, сын Солнца (Гелиоса). Медея, дочь Аэта, влюбившись в Язона, помогла ему укротить быков, побить витязей, рождавшихся из зубов дракона, и, наконец, усыпить недремлющего стража Золотого руна, чудовище-дракона. Язон увез Медею с собою в Элладу, женился на ней, но, когда она стала стариться, охладел к ней, променяв ее на юную и прекрасную Главку, дочь коринфского царя. Медея, жестоко отомстив отцу своей соперницы и самой Главке, убив в гневе обоих сыновей своих от Язона, вернулась к отцу в Колхиду. А Язон не пережил гибели своего славного корабля Арго.

дочь у Агенора, сестру у Кадма⁵⁰. Что это за Орел, завладевший на небесной тверди атриумом в 15 звезд по ту сторону Стрельца к полюсу? Увы! Есть такой Юпитер, что справляет там торжество похищения Ганимеда и своей победной пламенной любви.

Эта Медведица, эта Медведица, о, боги, почему она в самой лучшей, в самой красивой части неба, почему поставлена здесь, как бы на некоей высокой башне, как бы на самой открытой площади и для самого славного зрелища, какое может представиться во вселенной нашим очам? Неужели затем, чтобы не было очей, которые бы не видели, какой пожар охватил Отца богов после земного пожара из-за колесницы Фаетона в тот самый миг, как я ходил, осматривая разрушительные следы огня, исправлял все, вызывая реки, с испуга разбежавшиеся по пещерам, когда я только что занялся своей любимой страной Аркадией, – вдруг другой огонь зажегся у меня в груди от блеска девичьего лица Нонакрины⁵¹, вошел в меня через очи, сжал сердце, разгорячил кости и проник в самый мозг костей, так что ничем – ни водой, ни зельем – нельзя было помочь мне и охладить мой огонь. В этом огне была стрела, что пронзила мне сердце, цепь, что сковала мою душу, и коготь, что зацепил меня и отдал на добычу ее красоте. Я совершил безбожное насилие, я опозорил подругу Дианы и оскорбил мою преданнейшую супругу. Когда же она обратила ту, из-за которой в избытке своих чувств я нарушил верность, и представила мне ее в образе и под видом Медведицы, то я не только не почувствовал ужаса перед ее отвратительным видом, наоборот, это самое чудище показалось мне настолько красивым и даже так понравилось, что мне захотелось вознести на самое высокое и великолепное место небесного свода ее живое изображение; вознести этот грех, эту гадость, это ужасное пятно, которое из брезгливости страшится омыть вода Океана, которое Фетида не допускает до себя из боязни заразить свои воды, которому Диана запретила вход в свою пустынь, страшась, как бы не осквернить своей святой коллегии, и, по той же самой причине, не хотят принимать речные Нереиды и Нимфы. Я, несчастный грешник, исповедую свою вину, исповедую свою тягчайшую вину перед беспорочной, совершеннейшей справедливостью и каюсь, что до сих пор я очень много грешил и дурным своим примером еще и вам давал полное разрешение и право делать то же самое; вместе с тем исповедую, что достойно я вкупе с вами навлек на себя негодование судьбы, которая нас за все это не хочет уже признавать богами, а за то, что мы уступили небо разной земной сволочи, попустила разрушить наши храмы, изображения и статуи, какие были у нас на земле, да по заслугам изгнаны будут с неба те, что недостойно вознесли на небо все позорное и низкое.

Увы мне, боги, что делаем? Что думаем? Чего медлим? Мы согрешили, мы упорствуем в своих заблуждениях, и вот идет возмездие, идет, увеличиваясь вместе с заблуждением. Позаботимся же, позаботимся о нашем деле, ибо если судьба отказала нам в невозможности падать, то она же дала нам возможность подняться; если мы так легко сумели упасть, то так же легко снова встанем на ноги. От этого наказания, к коему привели нас наши грехи, и худшего, могущего постигнуть нас, мы можем без труда избавиться путем раскаяния, которое зависит от нас самих. Мы связаны узами прегрешений, но руки милосердия разрешат нас. Да поднимет нас наша серьезность оттуда, куда уронило нас наше легкомыслие. Вернемся к справедливости, ибо, отдалившись от нее, мы отдалились от самих себя, так что мы уже более не боги, мы не есть мы. Возвратимся же к ней, если хотим возвратиться к себе самим. Порядок и способ нашего исправления такой: прежде всего сбросим со своих плеч тяжелое бремя грехов – нашу обузу; откинем с очей наших завесу непредусмотрительности – нашу помеху; освободим сердце от самолюбивых чувств – нашей задержки; откинем от себя тщетные мысли – нашу тяготу; начнем ревностно разрушать орудие заблуждений и здания развратности, заслоняющие улицы и препятствующие пути; разобьем и уничтожим, насколько возможно, все триумфы и трофеи

⁵⁰ Кадма – она же Европа.

⁵¹ Нонакриня – Каллисто, дочь царя Ликаона, которая вместе с Дианой охотилась в Аркадии на горе Нонакри.

своих неблагоприятных деяний, да ясно станет справедливому суду наше искреннее раскаяние в совершенных грехах. Горе! Горе! О боги, сбросим с неба эти маски, статуи, фигуры, изображения, картины, процессии и истории нашей жадности, страстности, похищений, злобы, обид и позора. Долой, долой эту темную и мрачную ночь наших заблуждений, ибо прекрасная заря нового дня справедливости зовет нас; приготовимся встретить восходящее солнце, да не застанет оно нас такими, каковы мы теперь. Надо очиститься и стать прекрасными, нужно омыться и очиститься не только нам самим, но и нашим домам и нашим кровлям; очистим и внутреннее наше, и внешнее. Очистим, говорю я, разберемся прежде всего на небе, которое мысленно внутри нас есть, а затем уже в этом чувственном мире, который телесно представляется нашим очам.

Сбросим прочь с неба нашей души Медведицу безобразия, Стрелу развлечения, Конька легкомыслия, Большого Пса ворчания, Малого Пса лести. Выгоним от нас Геркулеса насилия, Лиру заговора, Треугольник неблагочестия, Волопаса непостоянства, Цефея жестокости. Прочь от нас, Дракон зависти, Лебедь неблагоприятия, Кассиопея тщеславия, Андромеда тоски, Персей хлопотливости! Прогоним Змеебыка проклятия, Орла надменности, Дельфина распутства, Коня нетерпения, Гидру вожеления. Долой от нас, Кит жадности, Орион высокомерия, Река роскоши, Горгона невежества, Заяц напрасного страха! Вырвем навсегда из нашей груди Арго – корабль скупости, Чашу невоздержания, Весы неравенства, Реку попятного движения, Козерога обмана. Да не приблизятся к нам Скорпион лукавства, Центавр чувственности, Алтарь суеверия, Корона гордости, Рыба подлого молчания. С ними да скроются от нас Близнецы дурного родства, Бык низменных забот, Овен нерассудительности, Лев тирании, Водолей распушенности, Дева бесплодной беседы, Стрелец развлечения.

Если мы, о боги, очистим наше обиталище, если так мы обновим наше небо, то обновятся созвездия и влияния, обновятся внушения, обновятся судьбы, ибо от сего горнего мира зависит все, а противоположные причины производят противоположные действия. О, воистину блаженны мы, если сумеем устроить сожительство души нашей и мысли. Кто из вас недоволен настоящим положением, да возрадуется настоящему совету. Если хотим изменить положение, изменим обычаи. Если хотим улучшить и украсить жизнь нашу, да не будут обычаи теми же или еще хуже.

Очистим внутреннее чувство, зная, что от просветления внутреннего мира нетрудно пойти дальше к преобразованию чувственного и внешнего. Первое очищение, о боги, вижу – вы его делаете, вы его уже сделали, ваше решение я вижу, я увидел, оно уже принято, только что принято, ибо не успело подвергнуться противодействию времени.

Итак, скорее приступим ко второму очищению, к очищению внешнего, телесного, чувственного и ограниченного. Но приступим к нему с известной подготовкой, последовательностью и в порядке: выждем, согласуем одно с другим, сравним это основание с тем, прежде чем определять, так как о вещах телесных, протекающих во времени, и решение не может быть делом одного мига.

Вот вам трехдневный срок, в продолжение коего вам придется решать и определять между собой не то, должно ли быть это преобразование или нет, ибо волею судьбы, как только я внес вам свое предложение, вы вкупе все нашли его весьма пригодным, необходимым и превосходным; и я не по каким-либо внешним знакам, не по фигуре или тени, но действительно и по истине вижу ваши чувства, как вы в свою очередь видите мои; и как только ваших ушей коснулось мое предложение, блеск вашего согласия достиг моих очей. Значит, вам остается подумать и обсудить меж собой лишь способ, каким надо приступить к обеспечению удаляемых с неба, как приготовить для них другие страны и места и, затем, как заполнить все эти седалища, чтоб небо не опустело, но заселилось и украсилось лучше прежнего. По истечении трех дней вы явитесь с предварительным подробным решением ко мне для того, чтоб, в слу-

чае спорных решений, мы четвертый день посвятили установлению и обнародованию формы новой колонии. Я сказал.

София. Так, о Саулин, отец Юпитер нагрел в уши, так воспламенил дух и тронул сердце Небесного Сената и народа, что, когда еще он говорил, по лицам и жестам сам мог ясно заметить, что в их уме было окончательно принято его предложение. Так что, когда великий патриарх богов произнес свое последнее заключительное слово и воцарилась тишина, все в один голос и в один тон сказали:

«Очень охотно, о Юпитер, согласны мы сделать то, что предложил ты и что поистине предопределила сама судьба».

Затем начался шум толпы: здесь – явные знаки радостного решения, там – охотного повиновения; тут – сомнения, там – мысли; где – рукоплескания, где – покачивание головой кого-то затронутого; в одном месте – одна точка зрения, там – другая, пока, вследствие того, что пришло время вечерять, каждый не отправился восвояси.

Саулин. Да, эти дела не скоро делаются, о София!

Третья часть первого диалога

София. На четвертые сутки, ровно в полдень, собрались снова на всеобщий совет, где дозволено было присутствовать не только вышепоименованным божествам, более главным, но, кроме того, всем прочим, коим, как бы в силу естественного закона, предоставлено небо. В то время как божественный Сенат и народ уже были на местах, и после того, как, по установленному обряду, на трон из золота и сапфира взошел Юпитер в диадеме и мантии той формы, в коей он обычно появлялся в самых торжественных собраниях; когда все успокоилось и замерло, а внимание собрания чутко насторожилось, так что собравшиеся казались статуями или картинами, на средину выступил со своими полномочиями, знаками отличия и свитой Меркурий, доброе мое божество.

И, выступив перед лицом Великого Родителя, вкратце рассказал, истолковал и изложил все то, что вовсе не составляло тайны для всего совета, но что надо было возгласить, дабы соблюсти законную форму и обрядность, а именно: боги готовы и расположены без притворства и обмана, но свободно и добровольно принять и привести в исполнение все, что настоящий синод захотел бы решить, постановить и приказать. После таких слов Меркурий повернулся к стоящим окрест богам и попросил их поднятием рук открыто подтвердить все, что он от их имени только что изложил в присутствии Громовержца.

И так было сделано.

Затем отверз уста Великий Прародитель и изрек следующее:

2. – Если, о боги, славною была наша победа над гигантами, которые очень недолго боролись с нами и были чужды нам, были открытыми врагами, которые оспаривали у нас один только Олимп и не могли, да и не пытались сделать ничего другого, кроме как низринуть нас с неба, насколько же славнее и почетнее будет наша победа над самими собой – победителями гигантов? Насколько почтеннее и славнее, говорю я, победа над нашими страстями, что так долго торжествуют над нами и, будучи нашими домашними внутренними врагами, тиранят нас, всячески помыкая нами! Если, по-нашему, достоин праздника день, когда была одержана победа, плоды коей были мгновенны, то сколь торжественнее должен быть тот день, плодотворная слава которого пребудет вечною для грядущих веков.

Продолжайте же праздновать день победы, но пусть то, что говорят о победе над гигантами, скажут и о победе над богами, ибо в последнем случае мы победили самих себя.

Да установится же в сей день новое торжество – Очищение Неба – и да будет оно для нас большим торжеством, чем когда-то для египтян – переселение от них прокаженного народа, а для евреев – исход из вавилонского пленения.

Днесь болезнь, чума, проказа изгоняются с неба в пустыни, днесь обрывается цепь преступлений и отсекается доза прегрешений, грозившая нам вечным мучением. Итак, раз все вы добровольно приступаете к этому преобразованию и уже, как я полагаю, заранее обдумали способ, коим возможно и должно осуществить его, то дабы эти места не пустовали и дабы переселенцам были даны приличествующие каждому места, я начну высказывать свое мнение о каждом особо. Если оно покажется вам достойным одобрения – говорите; если покажется неудобным – объясните; если, по вашему мнению, можно сделать лучше – заявите; если что-нибудь и нужно отбросить – скажите ваше мнение; если что нужно прибавить – научите; у каждого – полная свобода высказать свое суждение, а молчание – знак согласия.

Тут почти все боги встали и этим знаком одобрили предложение.

3. – Итак, чтобы положить начало, – сказал Юпитер, – рассмотрим прежде всего тех, что на севере, столкнемся относительно их, а затем мало-помалу и в порядке станем двигаться вперед, вплоть до конца. За вами – слово: как смотрите и что рассуждаете о Медведице?

Боги, которым надлежало говорить первыми, стали принуждать Мома, чтобы тот ответил, и он сказал:

4. – Великий позор, о Юпитер, и тем больший, что, как ты и сам признал это, в самом знаменитом месте неба, там, где, по словам пифагорейцев (которые признают, что у мира есть руки, ноги, туловище и голова), находится самая высокая часть мира, коей противостоит другая крайняя, что зовется ими низшею областью; около того места, о котором поет один поэт этой секты:

Hie vertex nobis semper sublimis, at ilium
Sub pedibus Styx atra videt manesque profundī...

«Здесь нам всегда – вершина вершин, но ее же зрит у себя под ногами Стикс страшный и адовы тени»⁵² там, откуда моряки просят себе совета в запутанных и неведомых морских путях; куда воздымают руки все путешественники, застигнутые бурей, куда стремились гиганты; куда гордый народ Бэлы воздвигал вавилонскую башню; где маги калибейского зеркала ищут прорицаний от Флерона, одного из великих князей северных духов; где – по словам каббалистов – Самуил хотел воздвигнуть престол, чтобы уподобиться изначальному громовержцу – там ты посадил этого грязного звереныша, повелев ему показывать не закрученным усом, не чем-либо вроде руки или ноги, или вообще какой-нибудь иной, менее позорной части тела, но хвостом (который наперекор медвежьей природе, по воле Юноны, отвис у него сзади), как будто это указатель, достойный такого места, – повелел показывать всем земным, морским и небесным зрителям великолепный полюс и главный пункт мира. Сколь, значит, плохо ты сделал, пригвоздив туда этого зверя, настолько же хорошо ты поступишь теперь, убрав его оттуда. Открой же нам, куда хочешь его послать и кем желаешь заместить?

5. – Пусть идет, – изрек Юпитер, – куда вам всем вздумается и угодно: к Орсам Англии или к Орсини⁵³ – Чезарини тож – Рима, если хотите пристроить его в хорошем городе и у места.

6. – По-моему, запереть ее в бернские подземелья, – сказала Юнона.

7. – Не злобствуй так, жена моя, – возразил Юпитер. – Пусть идет, куда знает, лишь бы опростала и освободила место, на которое, так как тут самый прекрасный трон, желаю посадить Истину; ибо туда не достанут когти злословия, там не отравит свинец зависти, не потопят сумерки заблуждения. Там пребудет Истина стойкой и крепкой, в безопасности от наводнений

⁵² Вергилий, Георгики, I.

⁵³ Орсини и Бернские подземелья – намек на фамилии, города и государства, что имели на своих гербах медведя (Orsa – Орса – по-итальянски медведица, отсюда фамилия Орсини; Bäg – Бер – по-немецки – медведь, отсюда название города Берна в Швейцарии).

и бурь, там она станет надежным поводырем тех, кто блуждает по бурному греховному морю, сияя оттуда, как ясное и чистое зеркало созерцания.

Отец Сатурн молвил:

8. – А как поступить с Большой Медведицей? Предложи, Мом.

А тот ответил:

9. – Пусть идет старушка к молодой – компаньонкой, только смотрите, не сделалась бы сводницей. Случись так, в наказание отдадим ее какому-нибудь нищему. Пусть ходит себе с ней да показывает, катает на ней ребятишек и за лечение лихорадок и других хворей зарабатывает для нее и для себя средства к жизни.

Спрашивает Марс:

10. – А как быть с нашим Драконом, о Юпитер?⁵⁴

11. – Пусть выскажется Мом, – возразил Отец.

12. – Это совсем бесполезный зверь. Он мертвый – лучше живого. Поэтому, если вы согласны, отправим его пастись в Испанию или на какой-нибудь из Оркадских островов. Только берегитесь, как бы он своим хвостом не наделал какой беды звездам и не уронил бы их в море.

Аполлон ответил:

13. – Не сомневайся, Мом, ибо я прикажу какой-нибудь Цирцее или Медее⁵⁵ вновь усыпить его теми же самыми стихами, какие, бывало, легко убаюкивали его, когда он был стражем золотых яблок, усыпить и в таком виде тихо-тихо перенести на землю. И, по-моему, незачем ему и умирать. Пусть себе идет, указывая всюду, где есть варварская красота, ибо золотые яблоки будут красота; дракон – гордость; Язон – любовник, а чарами, усыпляющими дракона, будет то, что

Такого сердца нет жестокого, какое б не склонилось
На предложенье, на любовь, на слезы,
На долгое искание и даже порой на плату богатую:
Столько хладного желанья нет, чтобы не загореться⁵⁶.
Кем желаешь заместить его?

14. – Благоразумием, – ответил Юпитер. – Ему подобает быть рядом с Истиной, ибо последней ни управиться, ни двинуться, ни укрепиться нельзя без благоразумия, и только в тесном содружестве они смогут когда-нибудь добиться успеха и почета.

15. – Предусмотрительно! – изрекли боги.

А Марс вставил:

16. – Этот Цефей, будучи царем, не сумел своими руками увеличить данного ему судьбой царства. Ну, а теперь совсем не годится ему, разметавши руки и раскорячив ноги, занимать такую громадную площадь на небе.

17. – Так что ж, – молвил Юпитер, – не дать ли ему испить вод Леты, чтобы он забылся и, утратив память о своих земных и небесных владениях, возродился безногим и безруким животным?

⁵⁴ Это тот самый Дракон, что сторожил золотые яблоки в саду Гесперид и был убит Геркулесом. Золотые яблоки имеют свое особое эзотерическое (тайное, прикровенное) значение, которое внушило Бруно мысль сделать Дракона символом недоступности и непреклонности. Яблоко так же, как и фи́га, – символ чувственной любви. У греков яблоко называется *melon* – черное, у римлян *malum* – зло.

⁵⁵ Цирцея и Медея – две в древности знаменитые чаровницы: обе происходили от Гелиоса (Солнца) – одна (Цирцея, или Киркея) дочь Солнца, другая – внучка.

⁵⁶ Переделка стихов Тассо из Аминты. Бруно от себя прибавил: «порой на плату».

18. – Быть посему! – согласились боги. – И да наследует ему София, ибо бедняжка тоже должна воспользоваться успехами и счастьем своей неразлучной подруги, Истины, с которой она всегда вместе делила все неудачи, скорби, обиды и труды. Кроме того, не знаю, без помощи Софии сумеет ли та добиться наград и почестей.

19. – Весьма охотно, боги, – сказал Юпитер, – уступаю и соглашаюсь с вами, ибо того хочет всякий порядок и разум, а всего более потому, что, думаю, вдали от своей столь любимой и избранной подруги Истина чувствовала бы себя плохо.

20. – А как быть, по-твоему, Мом, – спросила Диана, – с Волопасом, что в звездном уборе правит колесницею?

Мом ответил:

21. – Так как это и есть тот Аркас – плод безбожного чрева и благородного семени, который и по сейчас свидетельствует об ужасных тайнах великого нашего Отца, то его нужно удалить отсюда. Позаботьтесь же устроить это.

Аполлон предложил:

22. – Как сын Каллисто, пусть следует за матерью.

Диана прибавила:

23. – Как бывший охотник за медведями, пусть следует за матерью, лишь бы не повредил сзади ей шкуры.

Меркурий в свою очередь:

24. – И потому еще, что он, как вы видите, не знает другой дороги, пусть следует всегда за матерью, которая должна возвратиться в Еримантский лес⁵⁷.

25. – Так будет лучше, – подтвердил и Юпитер, – а так как бедняжка была изнасилована, то я хочу возместить ей все убытки и, если это будет угодно Юноне, отослать ее туда в ее прежней красоте.

26. – С моим удовольствием, – сказала Юнона, – при условии, конечно, что вы вернете ей девственность, значит, и благоволение Дианы.

27. – Не станем больше говорить об этом, – сказал Юпитер, – рассмотрим лучше, кого посадить на место Волопаса.

После долгих и долгих споров Юпитер высказался так:

28. – Да будет там Закон, так как необходимо еще и ему быть на небе, ибо как сей Закон есть сын небесной и божественной мудрости, так оный другой Закон – сын земной мудрости, чрез которую эта небесная богиня разливает и сообщает блеск своего собственного света, шествуя чрез пустынные и уединенные места земли.

29. – Хорошо удумано, о Юпитер, – сказала Паллада, – ибо только тот Закон и праведен и хорош, у которого мать – София, а отец – Разум, да сыну и не пристало удаляться от матери. Пусть все устроится здесь, как угодно Юпитеру, дабы люди смотрели снизу и учились, как должно быть все устроено и у них.

30. – Затем следует место Северной Короны. Вся – из сапфира, пышно украшенная яркими алмазами, со своими 8 горящими карбункулами, по четыре в ряд, она представляет великолепнейшее зрелище. Так как она сделана внизу и снизу перенесена сюда, то, по-моему, ее стоит преподнести какому-нибудь героическому князю, который был бы ее достоин. Пусть же решит наш Отец, кто больше заслуживает такого подарка.

31. – Да пребудет на небе, – изрек Юпитер, – и ждет, пока ею наградят будущую непобедимую десницу того, кто огнем и мечом возвратит столь вожделенный мир несчастной и бедной Европе, низринув вождей этого – лютейшего Лернейской гидры – чудовища, что, распро-

⁵⁷ «Еримантский лес» – в Аркадии.

странья роковой яд многообразных ересей⁵⁸, с исполинской быстротой ползет во все страны Европы по всем ее венам.

Мом прибавил:

32. – Будет с него, если только уничтожить эту ленивую клику педантов, которые, не творя добрых дел согласно божественному закону, считают себя и хотят считаться людьми религиозными и угодными богам и говорят: творить добро – добро, делать зло – зло, однако приближаются к богу и угождают ему вовсе не тем добром, что делается, или тем злом, что не делается, но надеждой и верой согласно их катехизису. Судите сами, боги, было ли когда более бесстыдное злодейство: его не видят лишь те, кто ничего не видит.

33. – Уж подлинно, – сказал Меркурий, – кто не знает никакого заблуждения, тот не знает и этого, от него же родятся все прочие. Если бы Юпитер сам и все мы вместе предложили такой завет людям, то мы стали бы хуже смерти, ибо, нисколько не заботясь о человеческом обществе, действовали б только ради своего тщеславия.

34. – Всего хуже то, – сказал Мом, – что они порочат нас, выдавая все это за установления свыше, и вместе с тем проклинаят наши плодотворные дела, называя их недостатками и пороками. И, между тем, как никто не делает для них, и сами они, ни для кого ничего не делая (ибо все их дело – злословить дела), несмотря на то живут делами тех, кто работал вовсе не для них, кто для других основывал храмы, часовни, гостиницы, госпитали, коллегии и университеты – значит, открыто действуют, как воры и присвоители чужого добра, наследственного добра тех, что, если и не так совершенны и не так добры, как им должно быть, все же не сделались настолько безнравственными и опасными для мира, как они. Напротив – весьма необходимы государству, сведущи в умозрительных науках, строгой нравственности, с неустанным усердием и заботой помогают друг другу и поддерживают общежитие (ради коего установлены все законы), так как добрым людям обещают награду, а злым – грозят наказанием. А те, заявляя, что всемерно заботятся о вещах невидимых, коих ни сами, ни прочие не в силах постигнуть, говорят, будто все зависит только от predetermined каждой судьбы да каких-то внутренних озарений и фантазий, коими якобы всего более услаждаются боги.

35. – Так что, – сказал Меркурий, – нечего им ни досадовать, ни усердствовать из-за того, что некоторые верят в необходимость дел, ибо судьба тех – да и собственная их судьба, – верующих совершенно по-иному определена и не изменится, перейдут ли они от веры к неверию, и каково станет их вероисповедание – такое иль иное. И в силу той же причины им нечего ожесточаться против тех, кто им не верит и считает их преступнейшими людьми, ибо судьба не изменится из-за того, что те поверят и станут считать их хорошими людьми. Вдобавок еще, согласно их учению, не в их воле и изменить своей вере. Но те другие, что верят по-иному, по праву и за совесть, могут не только относиться неприязненно, но, мало того, считать великою жертвою богам и благодеянием миру – преследовать, убивать и уничтожать их с лица земли за то, что они похуже гусениц, жадной саранчи и тех гарпий, что, сами не делая ничего хорошего, только пожирают, портят и топчут ногами чужое имущество, мешая тем, кто захотел бы им воспользоваться.

36. – Все те, кто здраво судит, – сказал Аполлон, – считают законы благом, ибо цель их быть, и сравнительно лучшими законами считают те из них, что дают большие удобства для лучшего быта. Ибо одни из законов даны нами, другие выдуманы людьми, главным образом, для удобства человеческой жизни, а так как некоторым не приходится видеть заслуженных ими плодов в этой жизни, то им обещано и предуказано добро и зло, награда и наказание по их делам в иной жизни. Стало быть, – заключил Аполлон, – из всех этих разнo верующих и разнo

⁵⁸ Многообразные ереси не что иное, как Реформация, о которой и дальше говорит Джордано Бруно. Что касается отношения Бруно к Реформации, то уже первые личные столкновения в Женеве с кальвинистами настроили его весьма критически к религиозным новаторам: он не нашел у них ни свободы мысли, в которой так нуждался, ни тех широких, освобождающих идей и идеалов, которыми он был полон сам.

учащих только одни они заслуживают преследований на небе и на земле и должны быть, как чума, искоренены из мира, только они одни, истребление коих дело похвальное и благоугодное, достойны милосердия не больше, чем волки, медведи и змеи; и чем несравнимо больше разрушений и заразы от них, тем несравнимо больше заслуга того, кто их изничтожит. Так что – хорошо рассудил Мом – приличествует всего более Южная Корона тому, кто предназначен судьбою уничтожить это ужасное чудище мира.

37. – Хорошо, – сказал Юпитер, – вот моя воля и решение. Эту Корону использовать согласно разумному предложению Меркурия, Мома и Аполлона, одобренному всеми вами. Эта зараза, будучи делом насильническим, противоестественным и противозаконным, конечно, не долговечна; для вас ясно, что ее ждет своя судьба или злейший рок, ибо и число таких людей возрастает только для того, чтоб падение было более ужасным.

38. – Достойная награда Корона, – сказал Сатурн, – тому, кто прекратит эту язву, но злонамеренным слишком мало и несоответственно наказание – только лишение человеческого общества. По-моему, было бы вполне справедливо, чтоб они, оставив свое тело, затем, в продолжение многих пятилетий и столетий, всячески переселяясь из тела в тело, наконец вошли бы в свиней, самых поганых животных мира, или стали бы морскими ежами, которые пригвождены к скалам.

39. – Совсем другого требует справедливость, – сказал Меркурий. – По-моему, за праздность следует наказывать работой. Так что пусть лучше вселятся в ослов: там они сэберегут свое невежество и избавятся от лени, а за непрерывную работу погонщики будут давать им немного сена и соломы и нещадно бить.

Это мнение единогласно одобрили все боги.

Тогда Юпитер изрек приговор:

40. – Да принадлежит Корона вечно тому, кто нанесет им последний удар, и да странствуют они 3000 лет, переселяясь все время из ослов в ослов.

Кроме того, вместо этой Короны Вещественной да будет Корона Идеальная, передаваемая до бесконечности, так что от нее могло бы возникнуть бесконечное множество других, в то время как сама она ни на йоту не уменьшается и не умаляется в своей славе и действительности. С этою Короною, само собою разумеется, соединяется Идеальный Меч, равным образом обладающий более действительным бытием, нежели какой бы то ни было иной меч, существующий в границах пространства. Под этой Коронай и Мечом Юпитер разумеет Всеобщий Суд, который вознаградит или накажет всякого в мире по мере его заслуги и преступлений.

Вполне одобрили все боги эту предусмотрительность, ибо Закону приличествует восседать рядом с Судом, так как суд должен руководиться законом, и закону должно осуществляться в суде; суд должен исполнять, а закон – повелевать, закон весь – в теории, суд весь – практика.

Когда были закончены долгие беседы и рассуждения об этом престоле, Мом, указывая Юпитеру на Геркулеса⁵⁹, спросил:

41. – Ну, а что же нам сделать с твоим побочным сыном?

42. – Вы слышали, боги, – возразил Юпитер, – на каких основаниях мой Геркулес должен уйти отсюда со всеми прочими. Но я не хочу, чтобы его уход походил на все прочие, ибо повод, способ и причина его вознесения были далеко не такими, как у них: он один и единственно за свои доблести и героические подвиги заслужил небо и – незаконный – показал себя достойным усыновления Юпитеру. И признайтесь, он лишен неба только за то, что он пришелец со стороны, а не бог по природе. Но это моя, а вовсе не его вина, что я, как уже было сказано, чрез него стал прославлен. И я верю – совесть подскажет вам, – если кого и следовало бы изъять из общего правила и определения, то, конечно, Геркулеса. Так что, если мы его устраним отсюда

⁵⁹ Геркулес – сын Юпитера от Алкмены, супруги Амфитриона. Геркулес (Геракл) был любимым героем эллинского эпоса.

и пошлем на землю, то следовало б устроить это с не меньшим почетом и уважением, как если бы он остался на небе.

Поднялись многие, скажу, большая часть богов, и сказали:

43. – С большим, если возможно, с большим!

44. – Значит, постановляю, – продолжал Юпитер, – дать ему по этому случаю, как личности деятельной и сильной, поручение и заботу сделаться земным богом, которого почитали бы больше, чем подлинного небесного полубога.

Те же самые подтвердили: быть по сему!

А так как нашлись такие, что раньше не встали и теперь ничего не сказали, то Юпитер обратился к ним и спросил их, не хотят ли они что объяснить. Тогда одни сказали: «Одобряем»; другие: «Допускаем». Юнона изрекла: «Не препятствую».

Затем Юпитер объявил постановление в окончательной форме:

45. – Вследствие того, что в настоящее время кой-где на земле объявились чудовища, если и не такие, как были во времена древних возделывателей земли, зато, может быть, худшие, я, Юпитер, Отец и Всеобщий Промыслитель, постановляю, дабы Геркулес, мой заместитель и служитель моей могучей десницы, отправился на землю, если и не таким, как прежде, иль не большим великаном, зато одаренным большим усердием, ревностью, крепостью ума и деятельностью духа; и подобно тому как, когда был рожден и воспитан на земле, он показал себя великим, во-первых, тем, что одолел и победил столько чудовищ, и, во-вторых, тем, что из ада вернулся вновь победителем на землю, из ада, куда он явился нечаемым утешителем друзей и неожиданным мстителем надменных тиранов, так в настоящий миг да покажется своей Матери-Земле в третий раз он – новый, столь необходимый и вождельный промыслитель; пусть ходит по весям ее и смотрит, не опустошает ли города Аркадии какой-нибудь Немейский лев⁶⁰; не появился ли снова Клеонский лев в Фессалии; не воскресла ли гидра⁶¹, эта лернейская чума, и не собрала ли вновь свои отросшие головы; пусть доглядит, не появился ли во Фракии Диомед⁶², что кормил коней в Эбро кровью путешественников, и обратит свой взор на Ливию, где, может быть, Антей, столько раз возрождавшийся духом, возродился, наконец, и телом. Удостоверится, нет ли в царстве Иберийском какого трехтуловищного Гериона⁶³. Поднимет голову и поглядит, не летают ли по воздуху губительные Стимфалийские птицы⁶⁴, говорю о тех Гарпиях, что иногда затмевали воздух и мешали видеть яркие звезды. Посмотрит, не гуляет ли по Эримантским пустыням какой-нибудь мрачный Вепрь. Не наткнется ли на какого-нибудь быка вроде того, что наводил ужас на стольких народов; не пора ли выгнать на свет какого-нибудь трехликого Цербера⁶⁵, изрыгающего вместе с лаем смертоносный яд; нет ли у кровавых алтарей какого-нибудь палача Бузириса⁶⁶; не появился ли в пустынях какой олень с золотыми

⁶⁰ Убиение этого льва было первым подвигом Геркулеса, совершенным в Аргивской земле. Геркулес задушил льва, взвалил чудовище на плечи и принес на себе в Микены.

⁶¹ Лернейская гидра – тоже, как и Немейский лев, порождение чудовища Тифона и исполинской змеи Ехидны. Отрубив все 9 голов Гидры, Геркулес разрезал тело чудовища и напился ядом печени свои стрелы.

⁶² Геракл должен был по приказанию Еврисфея привести в Микены коней Диомеда.

⁶³ Трехглавый исполин, у которого Геркулес должен был взять и доставить в Микены быков. Геркулес, убив и Диомеда и Гериона, благополучно привел к концу тяжелые поручения.

⁶⁴ Стимфалийские птицы жили в лесистой, глубокой долине близ аркадского города Стимфала. Это была огромная стая страшных хищных птиц: у них были медные крылья, когти и клювы; свои перья они бросали на людей, точно стрелы. Они нападали на людей и животных и пожирали их. Геркулес часть Стимфалийских птиц перебил, часть прогнал далеко из Эллады на о. Аретиас к Эвксинскому понту (Черному морю).

⁶⁵ Самым трудным подвигом Геркулеса было последнее поручение Еврисфея: привести из мрачного Тартара страшного пса, трехглавого Цербера. Пред совершением этого подвига Геракл посетил Элевзин и был там посвящен в элевзинские таинства, освобождавшие человека от страха смерти. Благодаря его приобщению к элевзинским мистериям, Плутон принял Геркулеса очень благосклонно, и герою удалось сковать Цербера и привести на землю.

⁶⁶ Бузирис – правитель Египта, приносивший в жертву Юпитеру всех иноземцев. Когда Геркулес прибыл в Египет, Бузирис сковал его и повел к алтарю; но герой разорвал оковы и убил Бузириса.

рогами вроде того, что на бронзовых ногах носился, как ветер; не собрала ли мятежные войска какая-либо новая царица Амазонок; не владычествует ли где какой подозрительный и коварный Ахеллой с непостоянным многообразным и изменчивым лицом; нет ли Гесперид, где на попечение дракона оставлены золотые яблоки; не появились ли вновь знаменитые и смелые царицы Термодонтского народа; не разбойничает ли по Италии какой Ланчинийский удалец, не тешится ли какой грабитель Как⁶⁷, что огнем и пламенем защищает свою добычу. Если эти, или подобные, или другие, новые и неслыханные чудища встретятся ему на пути или нападут на него, в то время как он будет шествовать по огромнейшей спине земли, да изменяет, преобразует, изгоняет, преследует, связывает, укрощает, лишает, рассеивает, разрывает, разбивает, рушит, угнетает, топит, жжет, ломает, убивает, искореняет. В ознаменование столь великих подвигов, в награду за славные деяния приказываю в местах будущих героических деяний воздвигать ему трофеи, статуи, колоссы, даже жертвенники и храмы, если судьба не против меня.

⁶⁷ Как – огнедышащий исполин Как, похитивший у Геркулеса двух быков, когда он, возвращаясь со стадами Гериона, остановился в долине Тибра там, где теперь стоит Рим. Геркулес убил Кака в собственном жилище великана – пещере Авентинской горы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.